

Владимир Михайлов

**СИСТЕМА
СОЦИАЛЬНЫХ
ОГРАНИЧЕНИЙ**

Владимир Михайлов

Система социальных ограничений

«Издательские решения»

Михайлов В.

Система социальных ограничений / В. Михайлов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908883-3

С социальными ограничениями (СО) сталкивается каждый, когда общество мешает ему делать то, что он хочет, и заставляет делать то, что он не хочет. И именно поэтому неразумные не хотят покупать и читать подобных книг. Ведь это не детектив. В монографии дана авторская модель СО, показывающая их целостно, как систему концептуальных, идеологических, политических и прочих элементов. Поэтому неразумные предпочитают читать о каждом элементе отдельно, в разных источниках, а не обо всем сразу.

ISBN 978-5-44-908883-3

© Михайлов В.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Пояснение	7
Введение	11
Глава 1. Сущность и проблемы исследования социальных ограничений	19
1.1. Сущность и определение социальных ограничений	19
1.2. Онтологические и гносеологические проблемы исследования социальных ограничений	32
Глава 2. Структура, особенности, формы и динамика развития	51
2.1. Базовые формы социальных ограничений	51
2.2. Особенности системы социальных ограничений	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Система социальных ограничений

Владимир Михайлов

© Владимир Михайлов, 2019

ISBN 978-5-4490-8883-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Очевидно, что общество, шире социокультурная реальность не только дают человеку возможности самореализации, но и ограничивают и подавляют его. На это обратили внимание многие мыслители прошлого. Лао-цзы считал источником всех социальных бед отступление правителей и народа от пути Дао, Платон и Аристотель – неправильную политическую и социальную организацию, К. Маркс – частную собственность, эксплуатацию, отчуждение... Можно вспомнить в этой связи З. Фрейда, Г. Дебора, Р. Генона, Р. А. Уилсона и многих, многих других... Автор рассматривает социальные ограничения как своего рода сеть, брошенную на человека и общество в которой несложно запутаться. Выявлению содержания, структуры, функций, динамики и методов социального ограничения человека и посвящено данное исследование, ведь без знания ограничений наложенных на нас, путь к свободе закрыт. Выбор за Вами, Читатель!

Пояснение

Данный текст является отредактированной и расширенной версией авторской монографии «*Социальные ограничения: структура и механика подавления человека*», неоднократно переиздававшейся ранее издательством ЛКИ (URSS), последний раз – в 2016г. На первый взгляд может даже показаться, что в неё внесено не так много изменений – однако это не так, *базовый текст существенно откорректирован, но не столько по объему, сколько по смыслу* (порой до противоположного от изначального) и, главное, дополнен (5,5 п.л.). При работе с базовым текстом, по-прошествии всех лет после его создания, оказалось, что он далеко не так плох, чтобы вносить в него существенные изменения, что подтверждало и многократное переиздание книги, однако, неизбежно частично устарел, что обусловило потребность в его «модернизации» с учетом современных уже реалий и взглядов автора. Поэтому в новой версии читатель найдет ссылки на более новую литературу и источники. *Жанр книги многомерен и синкретичен* и выходит за рамки строго научной монографии. Помимо сугубо научной, для работы привлекалась философская, эзотерическая, религиозная, художественная, разведывательно-аналитическая и прочая литература. Такой подход обусловлен пониманием непродуктивности любых одномерных, одножанровых и однозначных подходов к описанию феномена социальных ограничений.

В настоящем издании имеются незначительные цензурные искажения первоначального текста, связанные с требованием издателя устранить цитаты из источника 278 (См. список литературы), под предлогом того, что более новая его редакция была «запрещена» для распространения в РФ. Автор рассматривает это как ущемление его прав человека (и прав читателя) на свободу получения информации. К сожалению, подобные негативные ограничительные тенденции всё более распространяются в современной РФ. *Причем по той же самой схеме, когда незаконной произвольной цензуре подвергается то, что формально не запрещено*. Сам автор не нуждается в «госуслугах» по контролю его поведения и в каких-либо ограничениях на получение и распространение знаний. Цензура, на наш взгляд, есть признак неразумности, закономерно переходящей в «дисфункцию головного мозга» по выражению Н. Н. Вашкевича. *Цензура – это проявление коллективной менталопатии, аналогичного психопатии расстройства поведения, связанного с нарушением объективного восприятия, адекватной переработки и передачи информации*. Сами менталопаты при этом считают всех окружающих такими же больными, как и они сами, а потому нуждающимся в негативных информационных ограничениях. *Поэтому, разумному и здоровому читателю нужно задумываться и спрашивать о наличии цензурных искажений и кунтор в различных источниках информации*, открыто обсуждать и критиковать подобную ситуацию и использовать её для расширения своих прав и свобод. Так, чтобы все запреты оборачивался в итоге против их источников.

Первое желание обновить свою работу возникло у автора в 2015г., однако издательство, как правообладатель текста, пресекло эту попытку (социальные ограничения!), под предлогом «гибели» в случае нового издания нераспроданных остатков старых тиражей. Ущерб для читателя и репутации автора от продажи устаревшего к тому времени материала его не интересовал, как и возможная прибыль от нового издания книги. Вообще, книга продавалась не очень хорошо, хотя, возможно, и не хуже чем прочие аналогичные работы, изданные в данном издательстве. Один знакомый автора сказал ему, что широкое распространение его книги *целенаправленно сдерживается спецслужбами, в силу её «крамольного» для массового сознания содержания*. Вполне допуская подобное, автор видел и то, что *издательство явно не делало всего возможного для продвижения книги к читателю и увеличения её продаж*. Можно было бы, кстати, и за рубеж её направить, в том числе и в переводном виде, учитывая её самобытность...

Однако актуальна ли поднятая в ней тема? На взгляд автора – более чем актуальна, причем *актуальность её ещё и растёт, учитывая усиление тоталитарно-диктаторских и социально ограничительных тенденций в современном мире*, о чем подробнее можно прочесть в предисловии к другой авторской монографии «Тоталитарное государство и его социокультурная политика в области физической культуры» 2018г¹.

Вот в газете «Аргументы и факты» обсуждается болезненная тема подъема налогов. «И кому это выгодно? Государство от этого точно пострадает. И вся недавно начатая борьба за выведение малого бизнеса из тени, легализацию доходов предпринимателей и т. д. пойдет прахом. Почему правительство обсуждает столь разнонаправленные вещи? С одной стороны, борется с теневой занятостью, с другой – повышает налог, вынуждая людей уходить в тень. Борется с бедностью, чтобы платежеспособность населения повышалась и развивалась экономика, а через повышение НДС делает людей ещё беднее»², – недоумевает генеральный секретарь Союза профсоюзов России Евгений Куликов. Скорее всего, Е. Куликов *нашей книги не читал, и читать её, видимо, не хочет. Хотя в ней как раз содержатся ответы на все его «почему»*. Правительство поступает так потому, что именно с помощью таких противоречивых, на поверхностный взгляд, действий поддерживает наличную систему социальных ограничений. Для поддержания её в неизменном по объему для масс состоянии именно так и следует поступать: прибавив в одном месте, одновременно убавить в другом, сняв ограничения в чем-то одном, тут же наложить их на что-то другое (принцип «Тришкиного кафтана»). А то, что государство от этого пострадает – не беда, ведь оно лишь часть и инструмент наличной системы социальных ограничений. *Но для поддержания системы социальных ограничений лучше всего, этого, конечно, не понимать*. Как писал Дж. Оруэлл – «незнание – сила». И программировать подобное непонимание у масс через подобные «популярные» многотиражные издания. Там даже рубрику специальную создали: «я не понимаю». Ведь если начать понимать, то сразу станет ясно нежелание правительства как-то реально улучшать жизнь основной массы населения, а также необоснованность, несправедливость и абсурдность всего наличного социального порядка, в котором кучка самозванцев явно *не имеет ни желания, ни способностей эффективно распоряжаться захваченными ею огромными ресурсами*. Казалось бы, если ты не чего-то не понимаешь – так иди, учись, вместо того, чтобы пользуясь «авторитетной» должностью транслировать свое непонимание в массы. Но за учебу, увы, денег меньше платят, чем за должность «генерального секретаря» и т. п. А смысл жизни, судя по всему, именно в них...

После публикации монографии *автор столкнулся с рядом неадекватностей в её восприятии*. Кое-кто почему-то решил, что автор – некий пророк, апологет и фанатик социальных ограничений. *Это не так. На самом деле автор скорее «безграничник», чем «ограничник», сторонник освобождения и свободы, а не засилья социальных и прочих ограничений*. А темой ограничений он занялся как *учёный-исследователь, заметив и ощутив её как проблему для себя и общества в целом*, а вовсе не из желания создать секту или «фан-клуб» поклонников социальных ограничений. Конечно, такое положение дел тоже мешало популярности книги, ведь автор не стал создавать тренинги «как сделать себя более социально ограниченным» и гастролировать с ними по миру. Для многих такая позиция, видимо, чужда и не понятна...

Только в одной Москве, по некоторым оценкам более 2-х миллионов собак и 800 тысяч охранников. Во всяком случае, этих *сторожей наличной системы ограничений в десятки и сотни раз больше, чем разумных, интеллигентных людей*, которым потенциально интересна эта книга. К сожалению, в современной РФ уже сформировалась мощная прослойка сторонников «*собако-охранительного образа жизни и мышления*», стерегущих, как это и принято

¹ Михайлов В. В. Тоталитарное государство и его социокультурная политика в области физической культуры: Монография. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. – 292с.

² Куликов Е. Зачем сразу после выборов поднимать налоги? // Аргументы и факты. – 2018. – №13. – С.5.

в либеральном государстве – ночном стороже духовного сна своих граждан, самих себя... от самих себя. Конечно, именно *собаки и охранники, а не книги и духовные учителя, лучшие друзья духовно, интеллектуально и социально спящих существ*. Уже и памятник поставили собаке верховного охранника, видимо, в противовес американской «Статуе Свободы». Понятно, что *свобода – для спящих и неразумных* (в том числе и в США) *злейший враг*, потому что из-за своей неразумности и невежества они *не могут различить полезного и вредного, доброго и злого, а потому в условиях свободного выбора неизбежно ошибаются*. А то ещё и других соблазнят своей ошибкой, как овца, сдуру зашедшая в море и утопившая в результате половину стада, последовавшую по стадному инстинкту вслед за ней (реальный случай из жизни). Для подобной публики «конура» социальных ограничений ближе и родней любой свободы. Отсюда возникает неразумный консерватизм, как стремление сохранять всё привычное, без различения и понимания его полезности или вредности, не видящий, что в природе никаких консервов нет. Снятие социальных ограничений воспринимается как разрушение привычной «конуры» или консервной банки. Поэтому знание системы социальных ограничений, как потенциальный источник сомнения в их истинности и желания от них избавиться для подобной публики совершенно не уместно. Отсюда и «непопулярность» авторской работы, которая, есть, по сути, *диагноз наличного состояния общества, уровня его сна, «свободофобии» и социальной ограниченности*. Кстати, по некоторым данным до 40% россиян страдает психическими расстройствами разной тяжести, из них около четверти – тяжелыми, в том числе разными фобиями, паниками, маниями и т. п.³. Не отсюда ли «свободофобия» и подсознательная тяга к жесткому внешнему контролю своего поведения?

Естественно, что авторская монография не стала, как об этом написано в Заключении (и настоящего издания) методологической основой и базисом для более конкретных исследований социальных ограничений в разных сферах. *Маргинализация, замалчивание и несправедливая критика – такова участь подавляющего большинства подобных новаторских работ*. Рыночная стихия не исправляет этой ситуации – популярно и раскупаемо не новое, а привычное, то чему учили ранее в массовом порядке. Да и прибыль автора – обычно не более 10% от розничной цены издания. Чаще всего обыватель ищет в книге не новое знание, а лишь подтверждение своих уже устоявшихся мнений, возможно с незначительными коррективами. *Извлекать полезную информацию из книг тоже способны далеко не все*. Ещё меньше тех, кто может её практически использовать. Для многих книга – своего рода «опиум для интеллектуала», способ «улететь» в фантазии от наличного проблемного мира, а не инструмент изменения собственной жизни: отсюда бум «фэнтази», детективов и т. п. литературы. Недалекий читатель даже не задумывается, кто, зачем и почему создает и продвигает в массы подобные жанры и к каким социальным результатам это приводит. Автору ещё повезло, что удалось защитить докторскую диссертацию по этой теме в 2007г., когда цензуры в РФ было меньше, чем сегодня. Хотя при обращении к одному «научному консультанту» ему и предложили выкинуть эту книгу (в редакции 2006г.) в помойку и заплатить этим жуликам 5 тыс. долларов за написание другой работы...

В итоге, коллективный «город Глупов» (М. Е. Салтыков-Щедрин) действует как «терминатор эго» талантливых и гениальных индивидов. Затравив (или маргинализовав) очередного гения или таланта, он после его смерти нередко начинает его превозносить (программа И. Христа), *игнорируя общественный ущерб от недополученных от затравленного гения произведений или прочих благ*. Исус Христос, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, С. Есенин свой вклад в общечеловеческую культуру внесли. А какой вклад в культуру внес Дантес или убившие Есенина уголовники-психопаты (назовем вещи своими именами) из совет-

³ Бондарь Ю. Психические заболевания в России: что происходит. – [http://medportal.ru/mednovosti/news/2017/06/15/682psycho/\(8.05.2018\)](http://medportal.ru/mednovosti/news/2017/06/15/682psycho/(8.05.2018)).

ских «собакоохранных» структур? Никакой. А что изменилось с тех пор? По-сути – ничего! И автор получил свою долю гонений за свои публикации и выступления против некачественных диссертаций. *Хотя он не нуждается ни в подавлении «стадом» и бездарями своего «эго», ни в роли «козла отпущения» и «мученика за правду» в ущерб общественным интересам по её распространению.* И не является адептом и сторонником «терпилоидославия», верующим в спасительную силу любых социальных ограничений. *Никаких существенных мер по защите талантливых людей от гонений со стороны бездарей и охраны общество не предпринимает.* Это говорит о том, что оно, особенно на уровне коллективного подсознания, живет в парадигме дикарей, приносящих в жертву своим inferнальным «богам» лучших овец из стада и лучших людей из общества. *Вопреки той пользе для генофонда или культуры, которую они могли бы принести, что свидетельствует о неразумности такого общества.* Зато так сохраняется и поддерживается общественная стабильность, консервируется наличная система ограничений, тормозится общественный прогресс. Перефразируя В. В. Маяковского, оно живет под лозунгом: «Граничь – всегда, дави везде, до дней последних донца. Ограничения во всём – вот лозунг Антисолнца!». Всё это мы говорим здесь для того, чтобы читателю было предельно ясно, что *первой и главной жертвой негативных социальных ограничений являются наиболее талантливые, одаренные и потенциально продуктивные люди.* И автор написал бы и по количеству и по качеству гораздо больше работ, если бы не наличная система социальных ограничений. Например, в системе РИНЦ (май 2018г.) учтено всего лишь примерно 25% его научных публикаций. Так система искусственно превращает нас в дураков. Именно по этой причине ему и недосуг было заниматься дальнейшим развитием этих исследований. *Гораздо важнее, на взгляд автора, заняться решением проблемы снятия негативных социальных ограничений, расширения и роста социальной и сверхсоциальной свободы.* На этой оптимистичной волне мы и завершим наше пояснение к монографии.

Где я – там реет дух свободы,
Ограничениям – конец!
Я бесконечный дух природы,
Освобождения творец!

Введение

Процессы, происходящие в современном обществе, делают актуальными проблемы взаимодействия личности (души, духа) и общества, индивидуальных и общественных интересов, прав и свобод человека и гражданина, меры его ответственности, зрелости, способности реализовать свои права и свободы без ущерба для других людей и социума в целом. **Возникают естественные вопросы о пределах этих прав и свобод, о возможности их практической, а не декларативной реализации, как впрочем, и об их реальном наличии и адекватности внутренним запросам личности.**

Так возникает вопрос о социальных ограничениях. С одной стороны, это что-то знакомое, интуитивно и подсознательно ясное, само собой разумеющееся, то, с чем все мы сталкиваемся на каждом шагу своей социальной жизни, не задавая себе вопроса: что же это такое на самом деле, каково их содержание, структура, функции, результаты? Зачем вообще эти ограничения нужны, откуда и почему они появились, кто и кого ими ограничивает? *Казалось бы, исследуй эту проблему сколько хочешь, бери культуру, или её фрагменты – право, мораль, язык, определяющие, что можно, а что нельзя говорить и делать, а значит и задающие какие-то социальные границы, ограничения, но почему-то таких исследований не заметно*⁴. Точнее, они есть, но все как бы о чём-то другом, не о том, не о социальных ограничениях. С. Г. Кара-Мурза писал: «...В мышлении интеллигенции произошел тяжелый методологический провал, связанный со сдвигом от реалистичного сознания к аутистическому. Категория ограничений была почти полностью устранена из рассмотрения» (191а, с.224). «Никаких размышлений о структуре несвободы, о её фундаментальных и вторичных элементах не было» (191, с.407). Возможно, подобная ситуация есть следствие бессознательного западничества сознания интеллигенции, так как в западной культуре ограничения воспринимаются как наказание, в отличие от восточной культуры, подчёркивающей важность самоограничения в религиозных целях. Но непонимание несвободы её серьёзно усиливает, ибо незаметность ограничивающих факторов препятствует их преодолению и ликвидации: проблему, которой нет, не нужно решать. **Возникает эффект незаметности несвободы, увеличивающий её власть**, кое для кого желательной, так как чем глупее существо, тем опаснее для него свобода. Это хорошо видно и в природе, где более примитивные организмы имеют меньшую степень свободы. Заметил это и народ в пословице «заставь дурака Богу молиться (не указав, как конкретно это надо делать, то есть, дав ему свободу), он и лоб разобьет». Соответственно, у деградирующего, глупеющего существа начинает проявляться свободофобия и развиваться ограничительные поведенческие программы.

О чём же у нас предпочитают писать, имплицитно подразумевая социальные ограничения? Например, в 1990-е гг. у нас было написано очень много исследований о тоталитаризме, о преследовании там инакомыслящих, подавлении свобод, лишении прав, беззакониях. Вроде бы ясно, если где-то тоталитаризм – значит свободы, социальной, по крайней мере, там нет, значит много социальных ограничений. А если либерализм, «свободный рынок», то значит, социальных ограничений мало, или их может быть, совсем нет? Почему же тогда Н. Луман считает, что там, где применяется насилие, власть исчезает? Может быть в тоталитарных, репрессивных режимах нет власти, которая может кого-то ограничивать и подавлять? Или может быть дело здесь в другом, и **надо просто поменять ракурс видения проблемы и вести речь не о «демократии», «либерализме», «тоталитаризме», а разбирать содержание, структуру и функции социальных ограничений (и свобод) в каждом конкретном случае, сравнивая их?** Однако, об этом сторонники тех или иных социальных проектов, идео-

⁴ На наш взгляд, «нет программы» это изучать, но есть подсознательный запрет не поднимать и не исследовать эту тему.

логий, программ, религий, концепций и реформ предпочитают умалчивать. Обычно они или манят нас обещаниями свободы и светлого будущего, или просто говорят «так надо», «иного не дано», «таков магистральный путь развития цивилизации» или (и) законы «свободного рынка» (смены общественно-экономических формаций). **Может быть, стоит несколько изменить постановку вопроса и спрашивать не о том, что тот или иной проект даст, а что он у нас возьмёт, что мы потеряем в результате его реализации, в чём он нас ограничит?** Например, каковы изменения в структуре социальных ограничений у идущих по «магистральному пути развития цивилизации»? *Об этом обычно ничего не говорят, и не случайно: ясное знание содержания и структуры социальных ограничений, претерпевающих изменения в результате реализации любого социального проекта даёт возможность объективного понимания, оценки и прогноза его «поведения», его целей и сути, лишает возможностей манипуляции сознанием, позволяет сделать осознанный выбор и занять чёткую позицию, что создателям социальных ограничений обычно не нужно.*

Актуальность исследования данной темы обусловлена тем, что изучение социальных ограничений выводит нас к рефлексивному осмыслению и новому видению и пониманию таких извечно значимых проблем как социальная свобода и необходимость, мораль и право, взаимодействие личности и общества, общества и государства, человек и его способности, права и интересы и многих других. Исследование данного вопроса сохраняет, и будет сохранять актуальность, пока существует человек, культура и общество, а, следовательно, и какие-то социальные пределы, ограничения и нормы. **Без понимания данной проблемы невозможно ни выстроить грамотную социально-экономическую и культурную политику, ни разумную линию индивидуального поведения, ни оптимально реализовать в обществе свой врождённый и приобретённый потенциал, ни осмыслить и обрести феномен свободы.** То есть, попросту говоря, создает невозможность эффективно действовать в обществе. Всё это составляет вневременной базис актуальности означенной темы. «Ограничения – запреты есть категория *более фундаментальная*, нежели категория цели. Недаром самый важный вклад науки в развитие цивилизации заключается в том, что наука нашла метод отыскивать и формулировать именно запреты, ограничения» (191а, с.225).

В более узком ракурсе сегодняшнего дня тема актуальна по причине наблюдаемой нами **негативной трансформации систем социальных ограничений как в России, так и в мире**, усиления авторитарных и тоталитарных тенденций, подавления властями населения, подспудной фашизации многих обществ, принудительного навязывания людям войн и конфликтов. Это отмечают сегодня многие авторы, например, В. Э. Багдасарьян и С. С. Сулакшин⁵.

Политические, правовые, экономические, информационные, демографические границы постоянно меняются и без понимания системы социальных ограничений адекватно воспринять, понять и реагировать на эти процессы вряд ли возможно. **Можно даже сказать, что мир непонятен без осмысления наличествующих в нём ограничений.** Непонятное и непонятное в свою очередь становится опасным, непредсказуемым и хаотичным. Таким образом, неведение ограничений лишает нас свободы.

Однако, *исследований социальных ограничений в прямом, а не в опосредованном виде у нас нет.*

Представляется, что это следствие известной табуированности, *вытесненности в подсознание* данной темы. Такая ситуация не случайна и психологически понятна: если свобода представляется чем-то положительным и приятным, то противоположное ей, в том числе **ограничения вытесняется из ориентированного на удовольствия внимания.** Видимо поэтому, мы имеем популярную идеологию либерализма, но (пока) не имеем идеологии «детермина-

⁵ Багдасарьян В. Э., Сулакшин С. С. Современный фашизм: новые облики и проявления. – М.: Наука и политика, 2017. – 328с.

лизма», которая завлекала бы в свои ряды поклонников ценностью детерминации. Соответственно и сочинений о свободе (пока) существует немало. Хотя власти уже дали подсознательную команду на борьбу со свободой под флагом ограничительного «консерватизма» в духе Р. Рейгана и М. Тэтчер⁶.

С другой стороны, исследование какого-либо вопроса неизбежно подразумевает возможность его переосмысления, что можно интерпретировать как разрушение. *В случае социальных ограничений это может сознательно или бессознательно пониматься как угроза анархии и хаоса, в результате разрушения социальных границ и норм, вызывающая иррациональную фобию у части общества.* Поэтому, мы оказываемся перед выбором: или продолжать жить в имеющейся структуре социальных ограничений, принимая законы «Об ограничении...» без ясного понимания категории «ограничения», а значит, испытывая от них оправданные или неоправданные неудобства, или попытаться как-то разобраться в данной проблеме.

Непоставленность вопроса о социальных ограничениях, требует дать определение понятию и существенно затрудняет исследование, делая его вынужденно неполным и требующим дальнейших разработок. Имеет место *противоречие* между актуальностью заявленной темы, наличием значительного массива косвенно отражающих её исследований и отсутствием целостной социально-философской концепции социальных ограничений.

Авторское научное определение социальных ограничений такое:

Социальные ограничения являются необходимой системой социальных детерминант, определяющих спектр возможностей, становящихся социальной действительностью в процессе общественных отношений и общественной практики. Система этих детерминант отражает закономерный, необходимый характер социальных явлений, социального действия и предстаёт в виде совокупности эксплицитных и имплицитных социокультурных правил и норм, моделей поведения, стереотипов мышления, средств, способов и результатов самовыражения людей, которым они сознательно и (или) бессознательно подчинены и за пределы которых не могут или не хотят выходить даже тогда, когда это необходимо для них самих и (или) общества, в котором они живут. Из данного определения следует, что в роли социальных ограничений могут выступать не только идеальные нормы и стереотипы поведения, но и продукты материальной культуры. Следовательно, социальные ограничения имеют смешанный, идеально-материальный характер, что отделяет их от идеальных норм. Синтетическое, обобщённое рассмотрение норм, стереотипов поведения и материальных артефактов позволяет увидеть их общую ограничительную функцию, которая при ином ракурсе их рассмотрения не очевидна. Снятие социальных ограничений осуществляется посредством девиантного (отклоняющегося) поведения, которое может быть позитивным (творчество) и негативным (преступность). Эксплицированное автором понятие социальные ограничения является новым, ибо ранее подобной экспликации не было.

Но на пути исследования проблемы стоят не только политические и социально-психологические препятствия, но и методологические. Дело в том, что исследование этого вопроса требует комплексного и междисциплинарного подхода, иначе мы получим социально ограниченное исследование социальных ограничений. Так произойдёт потому, что любая частная гуманитарная или социальная наука ограничена (социально!) полем и предметом своего исследования и господствующей научной парадигмой, предполагающей определённую теорию и методологию познания и исследования. Следовательно, *при разработке темы необходим синтез философских, культурологических, социологических, политологических и исторических методов исследования и подходов при преобладании философского.*

⁶ По мнению американских «палеоконсерваторов» (напр. Патрик Бьюкенен) рейганизм-тетчеризм и неоконсерватизм являются фальсификацией подлинно консервативных ценностей и идеалов.

Степень разработанности проблемы определяется с одной стороны тем, что эксплицитно, явно она не выступала в качестве темы специального исследования, но имплицитно и фрагментарно она находила своё выражение в разных аспектах в трудах очень многих мыслителей и учёных прошлого и настоящего.

Найти исследований по социальным ограничениям в каталогах ведущих научных библиотек РФ – РГБ, ИНИОН РАН и других автору в 2006г., на момент второго издания монографии, не удалось. Даже такого словосочетания как «социальные ограничения» в систематических каталогах этих библиотек не было, что свидетельствовало о выпадении из общественного сознания данной категории. Иные названия данной темы закономерно скрывали и иное её раскрытие и понимание. Даже простое переименование социальных *норм* в социальные *ограничения* не является всего лишь словесной игрой, но открывает новые ракурсы и смыслы в видении проблемы, показывая *нормальное ограниченным*.

Это означало, что не было не только соответствующих исследований, но и сама проблема фактически не была поставлена. Сходную ситуацию мы имели (и во многом и сегодня имеем) и в предметных указателях к собраниям сочинений Аристотеля, Гегеля, Т. Гоббса, И. Канта, К. Маркса и Ф. Энгельса, Платона, В. С. Соловьёва, Шеллинга и других авторов. Особенно пикантным и странным это выглядит в случае К. Маркса и Ф. Энгельса, тем более что очевидно присутствие у них этой темы.

Получалось, что с одной стороны, например вся законодательная деятельность, представляет собой изменение структуры социальных ограничений, а с другой стороны такой проблемы в сочинениях крупнейших социальных философов как бы нет. Такая ситуация сохраняется и сегодня, так как несмотря на публикацию и неоднократные переиздания авторской монографии «Социальные ограничения: структура и механика подавления человека» (2008, 2011, 2016 гг.) и защиту автором докторской диссертации «Сущность и система социальных ограничений» в 2007г. должного внимания эта тема к себе не привлекла и не стала базисом для соответствующих социологических, исторических, политологических, экономических и прочих социально-гуманитарных исследований, как это могло бы быть. Более того, автор сам стал с 2015г. объектом социальных ограничений и гонений за свои публикации и взгляды...

Принципиальную ограниченность социального бытия отмечал Лао-цзы и его школа, где идеалом выступал максимально приближенный к природе, живущий в гармонии с Дао человек. Напротив, поддержанием социального порядка и созданием для него систем социальных ограничений были озабочены конфуцианцы и легисты. Подобные системы социальных ограничений в рамках описания идеальных и оптимальных социальных устройств выстраивали многие авторы утопий и социальных проектов: Платон, Аристотель, Данте, Н. Макиавелли, Т. Мор, Т. Кампанелла, Т. Гоббс, Б. Мандевиль, К. Маркс, Ф. Энгельс, О. Шпенглер, К. Поппер, Д. Ролз и другие. В тесной взаимосвязи с социальным проектированием и утопизмом находилась и находится традиция критики различных социальных неурядиц и проблем, выступающих де-факто в роли социальных ограничений, которые следует преодолеть. Социальную критику, помимо уже перечисленных авторов можно найти в трудах Цицерона, Э. Роттердамского, Б. Спинозы, Ш. Монтескье, социалистов-утопистов, М. Вебера, В. И. Ленина, Т. Веблена, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, Р. Генона, К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, И. Л. Солоневича, Г. Дебора, Г. Маркузе, Дж. Голдберг, М. Фуко, Ю. Эволы и многих других авторов.

Таким образом, имеется очень обширная литература, посвящённая как социальному проектированию в целом, так и его критике и критике наличной социальной реальности, *но прямо и отчётливо о системах социальных ограничений там, как правило, не говорится, что затрудняет правильное их понимание. Обычной в подобной литературе является следующая установка: раскритиковать «чужую» систему социальных ограничений без определения её именно как системы социальных ограничений и представить свою как гарантию процветания и свободы без указаний на её теневые, ограничительные аспекты (такой рекламно-мар-*

кетинговый ход)). Однако следует отметить, что *любая социальная критика, так или иначе, направлена против каких-то социальных ограничений*, поэтому на основе её анализа и синтеза выявляются содержание и структура тех ограничений, против которых она направлена⁷.

Существует весьма значительное количество отечественных и зарубежных работ, затрагивающих проблему социальных ограничений. Какие-то её аспекты, так или иначе, рассматриваются и исследуются во всех работах, представленных в списке литературы по монографии. Но далеко не везде ясно осознаётся сама проблема, а тем более её системный характер. Например, Ю. М. Шейнин писал: «Свобода в человеческом обществе не может носить абсолютный характер. Она всегда ограничена – в ущерб одним и на благо другим. Ограничение свободы имеет двоякую природу – социальную и естественноисторическую. Что касается социальных ограничений, то в антагонистическом обществе они отнюдь не совпадают с „категорическим императивом“ Канта» (454, с.64—65). «Тенденция развития коммунистического общества состоит в том, чтобы вплотную приблизить социальные ограничения свободы человека к естественноисторическим ограничениям» (454, с.66). На этом рассуждения автора о социальных ограничениях заканчиваются. Как видно *словосочетание* «социальные ограничения» у Ю. М. Шейнина *есть*, а *определения его* как понятия *нет*. Данное словосочетание аналогичным образом иногда употребляют и другие авторы, что делает актуальным более основательный его разбор и изучение, тем более что подобное определение отсутствует и в словарях.

Среди исследований современных российских авторов, косвенно затрагивающих проблему социальных ограничений можно выделить работы Ю. П. Аверина, Л. Ф. Авилова, А. А. Агамова, О. Г. Антоновой, В. Э. Багдасарьяна, Ю. К. Бегунова, М. Б. Бекова, Л. Е. Бляхера, А. П. Большакова, В. И. Бородкина, А. В. Бузгалина, И. М. Быховской, И. В. Василенко, К. С. Гаджиева, Я. И. Гилинского, И. А. Гобозова, Э. Н. Грибакиной, Н. И. Даниловой, Б. А. Диденко, Г. Г. Дилигенского, А. Г. Дугина, Ю. А. Ермакова, А. А. Зиновьева, С. П. Золотарёва, А. Г. Зуба, А. А. Кара-Мурзы, С. Г. Кара-Мурзы, О. Карпухина, Р. Х. Кочесокова, О. Л. Краевой, В. В. Крамника, А. И. Кугая, Е. С. Курбановой, В. А. Кутырёва, В. А. Лисичкина и Л. А. Шелепина, С. П. Лужницкого, Э. Макаревича, В. П. Макаренко, С. А. Макеева, С. А. Модестова, К. Х. Момджяна, Л. С. Николаевой, А. В. Новикова, А. С. Панарина, Э. А. Позднякова, А. Г. Погоняйло, В. С. Полосина, П. А. Сапронова, Н. И. Сидоренко, Э. Г. Соловьёва, С. С. Сулакшина, В. Г. Тахтамышева, Ж. Т. Тощенко, Г. Л. Тульчинского, Е. М. Харитонов.

В них разобраны, в частности, такие непосредственно связанные с социальными ограничениями вопросы как социальная монополия (М. Б. Беков), социальный хаос (Л. Е. Бляхер), социальная деградация (А. А. Кара-Мурза), социальное неравенство (Э. Н. Грибакина), социальная мобильность (И. В. Василенко, С. А. Макеев), социальный контроль (О. Г. Антонова, Я. И. Гилинский, О. Карпухин, Э. Макаревич, А. В. Новиков), социальные нормы (Н. И. Сидоренко), бюрократизм (В. П. Макаренко), глобализация (А. В. Бузгалин, В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин, А. С. Панарин), идеология (А. А. Зиновьев, С. П. Золотарёв, В. Г. Тахтамышев), манипуляция сознанием (Ю. А. Ермаков, С. Г. Кара-Мурза), свобода (А. А. Агамов), самозванство (Г. Л. Тульчинский), власть (Ю. П. Аверин, П. А. Сапронов, Е. М. Харитонов), политика (Ю. К. Бегунов, И. А. Гобозов, Э. А. Поздняков), биополитика (А. Г. Зуб), тоталитаризм (К. С. Гаджиев, А. А. Зиновьев, Р. Х. Кочесоков), либерализм (С. П. Золотарёв), насилие (А. И. Кугай), информационная война (В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин), традиция и современность (А. Г. Дугин, В. Г. Федотова), «четвертая политическая теория» (А. Г. Дугин), психофизический потенциал человека и общество (И. М. Быховская, О. Д. Гаранина, О. Л. Краева, В. И. Столяров), фашизм и качество государственного управления (С. С. Сулакшин) и другие.

⁷ По какой причине её и пытаются ограничить в современной России.

Однако проблема социальных ограничений в целом в них не ставится, что свидетельствует о наличии существенного, но восполнимого, с учётом уже проделанных исследований, пробела в социально-философском знании.

Проблема социальных ограничений затрагивалась и в советской литературе. Были исследованы такие её проявления и сопряжённые вопросы как тоталитаризм (С. А. Гомаюнов, С. Н. Зимовец) и фашизм (А. А. Галкин), организация общества (А. А. Богданов), социальная мобильность (Т. М. Алпеева, С. А. Макеев), социальный контроль (А. А. Рябов), стандартизация (Г. В. Кончаков), принуждение (В. П. Фёдоров), деидеологизация (Л. Н. Москвичёв), личные и общественные интересы (В. В. Заплетин) социальные нормы (Л. А. Андреев, С. А. Даштамиров, Е. М. Пеньков).

В ряде исследований изучались различные *фрагменты* системы социальных ограничений. Например, Н. И. Сидоренко предпринял попытку исследовать социальные нормы (368). Однако, камнем преткновения для этого автора стала проблема происхождения социальных норм. В разделе «научная новизна» своего автореферата Н. И. Сидоренко утверждает: «выявлен источник генезиса социальных норм в первобытном обществе, заключающийся в *необходимости фиксации усложняющихся стереотипных операций* (курсив мой) в развивающемся сознании людей для упорядочивания их деятельности по поддержанию жизни» (368, с.7). Сразу же возникает вопрос, какие стереотипные операции фиксируют любые запретительные нормы, например табу или «не убий», «не укради»? Из утверждений Н. И. Сидоренко также логически следует, что эти стереотипные операции совершались изначально вне норм, автоматически – бездумно, стихийно, сами по себе, что, мягко говоря, сомнительно. Далее ещё интересней: «выяснено, что действие детерминант, обуславливающих человеческую деятельность, в состоянии фиксироваться с помощью социальных норм, которые служат средствами подчинения проявлений необходимости определенному нормами порядку» (368, с.7). Человеческую деятельность, как известно, обуславливают разные детерминанты, например природно-климатические. Из утверждения Н. И. Сидоренко можно сделать вывод, что допустим, социальная норма сначала фиксирует наступление зимы (1 декабря), а если зима наступает по видимости раньше, то она её подчиняет, как бы говоря «зима стой, ещё рано», «Солнце вперёд» и т. п. Ещё Н. И. Сидоренко полагает, что «анализ накопленных сведений убеждает, что появление норм – это результат, возникающего в процессе взаимодействия человека с миром осознания необходимости, целесообразности, последовательности и упорядоченности деятельности людей для гарантированного удовлетворения потребностей» (368, с.16)⁸. На самом деле анализ накопленных сведений совершенно в этом не убеждает. ***Нормы очень часто создаются господствующими классами и группами в целях удовлетворения их корыстных потребностей и интересов, зачастую разрушительных для целесообразности, последовательности и упорядоченности в деятельности людей.*** Как неработающий закон, который, кстати, тоже является нормой, соотносится с осознанием необходимости, целесообразности, последовательности и упорядоченности деятельности людей для гарантированного удовлетворения потребностей? Работа Н. И. Сидоренко и аналогичные ей исследования свидетельствуют о серьёзнейших пробелах и недостатках в исследовании социальных ограничений и норм⁹.

Прямо рассматривались проблемы правовых ограничений (имплицитно данный вопрос ставится практически в любой правоведческой работе, т. к. любая норма является ограничением) в работах А. В. Малько, А. А. Подмарева, С. А. Денисова, В. А. Коннова. В диссертационных исследованиях данных авторов было введено и обосновано понимание права как инструмента ограничения: прав и свобод граждан (В. А. Коннов, А. А. Подмарев), бюрократ-

⁸ Это наглядное подтверждение тезиса М. Хайдеггера, что «наука не мыслит».

⁹ Видимо, подобные труды создаются в качестве «легенд прикрытия» соответствующих тем для обывателя и массово-научного сознания.

тии (С. А. Денисов). В диссертации А. В. Малько разработана концепция правовых стимулов и ограничений, как способов реализации основанного на двоичном коде социального управления. В этих работах отмечается, что *в советской правоведческой литературе вопрос о правовых ограничениях, об ограничительной функции права прямо не поднимался*. Перечисленные работы не являются единственными, в которых изучены правовые ограничения, их особенностью являются вынесение темы ограничения в заглавие, что делает её ключевой¹⁰.

Проблема экономических ограничений исследовалась в диссертационных работах Д. Ю. Васильева, Н. И. Ильина. Первый автор обнаруживает сам факт наличия экономических ограничений, а второй на основе изучения теневой экономики разрабатывает механизм её ограничения, в том числе и экономическими методами. Также экономические ограничения изучались, описывались и критиковались в публикациях Ж. Аттали, В. Э. Багдасарьяна, Д. Белла, Ж. Бодрийяра, С. Н. Булгакова, А. В. Бузгалина, Т. Веблена, С. Ю. Глазьева, А. Г. Дугина, А. А. Зиновьева, Г. Зиммеля, В. Ю. Катасонова, А. К. Крыленко, В. А. Кутырёва, Л. Ларуша, В. И. Ленина, К. Маркса, Г. Маркузе, Д. Неведимова, А. С. Панарина, А. П. Паршева, Д. Сороса, В. Г. Федотовой, Ф. Хайека, Ю. Эволы, Ф. Энгельса, Р. Эпперсона и других авторов.

Языковые ограничения, существующие в русском языке рассматривались в диссертации О. А. Михайловой. Проблема языковых ограничений поднималась также в работах Н. Т. Абрамовой, А. М. Анисова, Ж. Батая, Н. П. Безлепкина, Ж. Бодрийяра, С. Н. Булгакова, Н. Н. Вашкевича, Л. Витгенштейна, Г.-Г. Гадамера, В. Гумбольдта, А. П. Девятова, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Ж. Деррида, А. Г. Дугина, И. А. Ильина, С. Г. Кара-Мурзы, И. Г. Корсунцева, А. И. Кугая, Н. А. Купиной, А. Ф. Лосева, Г. Маркузе, Ф. Ницше, В. Д. Осипова, В. А. Смирнова, Р. А. Уилсона, П. А. Флоренского, М. Фуко, А. С. Хомякова, Ф. Г. Юнгера.

Исходя из разработанной автором модели системы социальных ограничений, можно выделить и другие их отдельные формы, исследованию которых (имплицитно и под другими названиями) посвящена обширная литература. В частности, это идеологические, этические, эстетические, политико-управленческие, информационно-образовательные, технико-технологические, структурно-демографические ограничения. Ситуация с их исследованием аналогична ситуации с экономическими и языковыми ограничениями: наличие большого массива литературы, где они рассматриваются изолированно от других элементов данной системы и в иных ракурсах, с иных идейных позиций чем в данной работе.

Ограничения, существующие на пути становления гражданского общества в России, показывает Л. Я. Орлова, откуда можно сделать вывод о наличии социальных ограничений, мешающих формированию гражданского общества.

Вопрос ограничения средств и методов ведения войны, наводящий на мысль о том, *что сама по себе война является формой социального ограничения, которую следует ограничить* поднимает Ф. Кальсховен.

Парадигмальные ограничения в социальных науках, развивая идеи Т. Куна, выявляет Г. В. Каныгин, подводя нас к мысли о взаимосвязи социальных и гносеологических ограничений.

Принцип ограничения возможных ходов и действий противника, как главную цель шахматной игры рассматривал А. А. Мацукевич. *У З. Бжезинского подобный принцип становится основой глобальной политики США. Так происходит преобразование шахматно-игровых ограничений в социальные.*

Все эти работы наглядно свидетельствуют об актуальности постановки самой проблемы социальных ограничений. С другой стороны их тематика и содержание показывают как *отсут-*

¹⁰ Сегодня «хитовой» темой является исследование легитимности государственно-правовых институтов РФ с точки зрения международного права.

ствие целостной модели социальных ограничений, так и необходимость её создания, хотя бы в целях обобщения и систематизации их содержания. Отсутствует в данных работах и чёткое определение социальных ограничений. Многие авторы лишь подходят к пониманию отдельных фрагментов социальных ограничений, что делает актуальной адекватную интерпретацию их публикаций, для которой отсутствуют теоретические модели. **Обоснована и потребность в обобщающей модели социальных ограничений как инструменте выделения информации по данному вопросу из порой хаотических и несистематизированных высказываний того или иного автора** (например, А. С. Хомякова) для историко-философской реконструкции его взглядов. Ясно, что подобная модель может быть использована для вычленения и структурирования соответствующей информации из любых информационных потоков. Кратко степень разработанности проблемы можно обозначить так: **материала по данной проблеме очень много, но он не осознан, не обобщён, не структурирован.**

Ясно, что **проблема социальных ограничений диалектически связана с проблемой свободы, особенно социальной.** «Всякое осуществление свободы может казаться в то же время её обеднением и в пределе – её самоотменой. Всякий акт выбора уже как бы отменяет свободу... ограничивает и обязывает выбравшего. Выбирающий волен в своём выборе до конца, выбрав же, он уже невольно становится рабом объекта выбора. Свобода тут материализуется, отяжелевает и тем самым становится необходимостью. Необходимость и есть ставшая свобода – свобода, ставшая бытием» (233, с.136), – писал С. А. Левицкий. **Значит проблема ограничений, в том числе социальных имплицитно ставится и решается именно в философии свободы, хотя понимается она различно.**

«Но вот в чём вопрос: существует ли единая проблема свободы? Действительно ли о свободе во все века спрашивают одинаково? Разве глубокомысленный миф из платоновского сочинения о государстве, согласно которому душа в своём состоянии до рождения сама избирает себе жизненный жребий, ...сводится к тому же самому, что и понятие свободы, которое господствовало, скажем, в нравственной философии стоиков, с непреклонной решимостью говорившей: единственный способ быть несвязанным и тем самым свободным – это не привязываться сердцем ни к чему, что не в нашей воле? ...И та же ли самая это проблема, когда мы в нашу эпоху естественных наук ставим вопрос: как надо понимать возможность свободы перед лицом сплошной детерминированности природных процессов... **Проблема, поставленная вообще, – это как вопрос, ни разу не заданный по настоящему.** Каждый по настоящему заданный вопрос мотивирован» (90, с.32—33), – писал Г.-Г. Гадамер. Следовательно, **вопрос о социальных ограничениях должен быть поставлен, введён в научный и философский дискурс, осмыслен и понят и, насколько это возможно в сегодняшних социальных и природных условиях Земли, разрешён. Разрешение вопроса социальных ограничений – это, на наш взгляд, освобождение человека, очень сильно скованного ныне наличной социальной системой. Осуществляется это, прежде всего, через снятие, а не наложение различных социальных ограничений на человека. Если современная бюрократия считает, что любые социальные проблемы решаются посредством наложения социальных ограничений на человека и общество, то мы придерживаемся диаметрально противоположной точки зрения. Все проблемы решаются не наложением, а, напротив, снятием ограничений. На традиционный для русской интеллигенции вопрос «Что делать?», мы отвечаем – «снимать ограничения», естественно продуманно, а не бездумно хаотично. То есть, чтобы разрешить любую социальную или иную проблему надо найти то, что ограничивает её субъекта, направления развития, процессы и снять эти ограничения...**

Глава 1. Сущность и проблемы исследования социальных ограничений

1.1. Сущность и определение социальных ограничений

Как уже отмечалось во введении, одна из проблем социальных ограничений – это проблема неопределённости данного понятия и, следовательно, непонятого и неисследованного явления, которое означенное понятие обозначает. Поэтому следует определить *и укоренить его в языке, мышлении и бытии, для дальнейшего полноценного оперирования этим понятием и словосочетанием.*

«Язык, – писал М. Хайдеггер, – есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи и тем самым сохраняют её в языке» (338, с.314). Приняв тезис Хайдеггера за аксиому, можно сделать вывод: определив, что есть социальные ограничения в языке, мы тем самым выясним и то, что они есть, то есть их онтологический статус¹¹.

Однако на нашем пути к прояснению сущности социальных ограничений существуют определённые препятствия, осознать которые нам поможет Г.-Г. Гадамер. «Внутри слова – вот на самом деле способ, каким мы говорим... Самозабвение принадлежит к существу языка. По этой именно причине прояснение понятий... может быть всегда лишь частичным. Оно бывает полезным и нужным лишь там, где либо помогает раскрыть сокрытие, происходящее из-за отчуждения, одервенелости языка, либо заставляет разделить языковую нужду, достичь необходимой напряжённости в осмыслении чужой мысли... Только тот мыслит философски, кто перед лицом имеющихся в языке выразительных возможностей чувствует недостаточность...» (90, с.36).

Понимая невозможность абсолютно точного и однозначного определения социальных ограничений (с этим согласны не все – См. 50), которые, *существуя как словосочетание в языке уже как-то определены через предрассудочное предзнание и понимание которых зависит от контекста, в котором они употребляются* (как, впрочем, и контекст зависит от них) и от интерпретации интерпретатора, автор не претендует на достижение полной ясности в своём определении. Вообще, определений любого понятия или явления может и даже должно быть много, так как разные определения выявляют различные аспекты и детали понятия (явления) лучше различаемые разными наблюдателями. Поэтому ситуация множества определений чего-либо – нормальна. В практическом плане можно выбрать и использовать уместное в данном случае определение или обобщить несколько определений в удобное одно. Как известно, Л. Витгенштейн, поставивший себе задачу предельного прояснения всех понятий, в итоге зашёл в тупик и в конце своего «Логико-философского трактата» признался: «В самом деле, существует невысказываемое. Оно показывает себя, это – мистическое» (80, с.72). Вероятно, что и в явлении социальных ограничений присутствует нечто подобное, невысказываемое. Однако это не значит, что мы можем ограничиться предрассудочным предзнанием в их понимании, так как в этом случае это понятие (и явление) станут в ещё большей степени жертвами интерпретационного произвола, который, тем не менее, и в случае определения понятия, к сожалению (а может быть к счастью) неизбежен.

¹¹ Это подтверждают исследования Н. Н. Вашкевича по «системным языкам мозга».

В. Даль в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет понятие ограничения так: «Ограничивать, ограничить – означить межи, грани, границы, пределы, рубежи, удерживать в известных пределах, умерять, обуздывать, стеснять, останавливать... «Власть всякого ограничена законом». «Ограничительное распоряжение – стесняющее кого-либо» (127- Т.2, с.647—648).

А вот как В. Даль определяет слово граница – «рубеж, предел, конец и начало, межа, край, грань» (127-Т.1, с.390—391). Сходное понимание ограничений находим у Аристотеля. Для него ограничение – это конечное (19-Т.3); при этом ограниченное всегда граничит с чем-нибудь (19-Т.3, с.14). Целое для Аристотеля – непрерывное и ограниченное (19-Т.1, с. 175). Беспредельное для Аристотеля *вне бытия, вне формы и, следовательно, вообще непознаваемо*. То есть наличие ограниченности, а значит и формы является, по мнению многих исследователей, необходимым условием познаваемости явлений, *хотя на наш взгляд, это не обязательно, потому что мы вполне способны наблюдать изменчивое бытие существующей в движении материи*.

Понятие ограничения является очень важным в философии Николая Кузанского, «который в грандиозной форме объединяя духовные достижения античности и средневековья с основоположными замыслами нового времени, достиг такого синтеза, какой позднее уже никогда не удавался европейскому духу» (419, с.184). Согласно Н. Кузанскому *безграничен только Бог*, а тварный мир оказывается ограниченной эманацией Бога. «Творение получает от Бога свое единство, свою ограниченность и свою связанность со Вселенной...» (227, с.174). «Мир, или Вселенная, есть ограниченный максимум и единый, который опережает ограниченным образом противоположности, противоречия. Мир ограниченным образом есть то, чем являются все вещи, – он есть принцип ограничения во всем, ограниченная цель вещей. Ограниченное бытие, ограниченная бесконечность... Если правильно рассматривать ограничение, все станет ясно» (227, с.185). «Ограниченное бытие есть не что иное, как сама вещь» (227, с.187), ... «Вселенная есть само ограниченное бытие в себе» (227, с.188), – отмечал Н. Кузанский. *Принцип ограничения проявляется для Н. Кузанского и в категориальном аппарате, когда более частное понятие является ограничением общего, универсального, в иерархии явлений, когда индивид есть ограниченное проявление вида, а вид, соответственно, рода. Человек у Н. Кузанского тоже ограничен своей природой. «Человеческая природа есть вписанный в круг многоугольник, а круг – Божественная природа» (227, с.260). Совмещение человеческого с божественным, лишило бы человеческое своей природы (то есть собственной ограниченности, что многих почему-то пугает). Из онтологии Н. Кузанского логически вытекает и наличие социальных ограничений. К сожалению, его социально-философские работы, посвящённые достижению религиозного согласия¹² малоизвестны в России и, конечно, не исчерпывают данной темы. Тем не менее, наследие Н. Кузанского является значимой предпосылкой и основанием для постановки и исследования проблемы социальных ограничений.*

Для И. Канта «ограничение – реальность, связанная с отрицанием» (183, с.86), неясно, правда, чего. В целом система И. Канта носит ограничительный для теоретического и практического разума характер (и поэтому, популярна среди носителей «полицейской ментальности»). И. Кант видел свою задачу в установлении пределов человеческого рассудка, науки и поведения¹³.

Более подробно проблема ограничений рассматривается в работе Шеллинга «Система трансцендентального идеализма» (456). Субъектом и объектом, накладывающим ограничения на самого себя и сталкивающимся с ними в своей деятельности в объективном мире, у Шеллинга выступает трансцендентальное созерцающее Я: «Я (объективно) ограничивается тем, что

¹² Так как мешают разжигать конфликты и конкуренцию в обществе, нужные для его эксплуатации.

¹³ Ярко выраженная законодательно-полицейская функция.

оно себя (субъективно) созерцает; однако Я не может одновременно созерцать себя как объект и созерцать себя созерцающим¹⁴, а, следовательно, не может и созерцать себя ограничивающим. . . Акт, посредством которого Я ограничивает самого себя, есть не что иное, как акт самоосознания» (456-Т.1, с.290). «Основание различия двух деятельностей есть граница, положенная в реальную деятельность, ибо идеальная деятельность совершенно неограничиваема, реальная же теперь ограничена. . . Если. . . граница положена, то в Я существуют две деятельности, ограничивающая и ограниченная, субъективная и объективная» (456-Т.1, с.286). Разбирает Шеллинг и вопрос о внешних ограничениях Я: «В индивидуальность входит не только её наличное бытие в определённое время и все остальные ограничения, положенные органическим существованием; но её ограничивает и само её действие; действуя, индивидуальность вновь ограничивает себя, вследствие чего в известном смысле можно сказать, что индивидуум становится тем менее свободным, чем больше он действует¹⁵. Однако даже для того, чтобы начать действовать, я должен быть уже ограниченным. То, что моя свободная деятельность изначально направлена только на определённый объект, было выше пояснено тем, что наличие других интеллигенций уже лишает меня возможности хотеть всего» (456-Т.1, с.417). Получается, что бездействуя, можно хотеть всего. . .

«Свободой для идеального Я непосредственно открывается бесконечность, так как несомненно, что ограничение придано ему только объективным миром; однако сделать своим объектом бесконечность оно не может, не ограничив её; вместе с тем бесконечность может быть ограничена не абсолютно, а только для действия, таким образом, что, как только идеал реализован, идея может устремляться далее, и так до бесконечности» (456-Т.1, с.427), – утверждает Шеллинг.

Как видно, специально проблемой социальных ограничений Шеллинг не занимался, к тому же на его позицию, похоже, повлиял декартовский индивидуалистический я-центризм и дуализм. Поэтому, несмотря на всю свою значимость его наследие в данном аспекте не бесспорно.

Для Гегеля «быть человеком, значит иметь ограниченный дух и ограниченную перспективу жизни» (175, с.468), что верно как для индивидуального человека, так и для общества, человечества в целом. Граница, предел человека устанавливаются самой формой человеческого существования, как «пространственно и временно разъединённых, телесно-душевных, эмпирических монад» (175, с.468). Предел человека по Гегелю, это возможность приблизиться к божественному состоянию (на наш взгляд, для приближения к божественному, надо, напротив, выйти за пределы человеческой природы).

«Ограниченность особенного народного духа становится законом человеческой жизни и её пределом» (175, с.456), а государство предстаёт **«как ограниченная во всех отношениях земная жизнь народа»** (175, с.443). При этом сам человек (как и человечество) предстают у Гегеля как инструмент, эманация абсолютного духа, который сам себя же и ограничивает в лице человека (не понятно, правда, зачем). В результате **в учении Гегеля мы имеем некоторую апологию ограничений, в том числе и социальных, выступающих как некая божественная и неизменяемая данность**. Это, как отмечал И. А. Ильин, превращает путь гегелевского абсолютного духа «в тропу непобеждающего страдания и. . . налагает печать безвыходности на человеческую жизнь и её смысл» (175, с.469). Согласиться с подобным подходом трудно, что продемонстрировал не только И. А. Ильин, но и К. Маркс, для которого социальные ограничения антагонистических обществ (отчуждение, эксплуатация, ограничивающее разделение труда) должны были исчезнуть при коммунизме, совпав с естественноисториче-

¹⁴ Шеллинг мыслит здесь дуалистично, не видя возможности встать на 3-ю позицию, дающую видение обоих обозначенных им состояний.

¹⁵ Особенно бездумно. Но, с другой стороны, действуя, человек и снимает с себя какие-то ограничения.

скими ограничениями. *На наш взгляд, социальные ограничения не являются божественной данностью, не подлежащей изменению людьми, поэтому теория Гегеля не может служить адекватной базой для исследования социальных ограничений* и не определяет адекватно это понятие, являясь, по сути, примером ущербоного, «полицейско-ограничительного мышления».

К проблеме социальных ограничений приближается А. Г. Дугин, размышляя о сущности границ. Для него граница не количественный, а качественный показатель. «Всякая вещь есть то, что она есть, благодаря ее границам. Ведь именно они отделяют ее от иной вещи. Отсюда важнейшее значение понятия границы не только для международного права, оборонной доктрины или структуры ВС, но и для философии как таковой. Граница – это не просто инструмент философии, но ее сущность¹⁶, так как самое высшее философское понятие – трансцендентность – означает в переводе с латинского «лежащее по ту сторону границы». Граница выражает вовне то, что лежит внутри и, одновременно, ограничивает сущность вещи в ее столкновении с другими вещами. Граница есть нечто священное. У древних греков существовал особый бог – Терминус, означающий «предел», «границу» (149-Т.1, с.211).

Любопытные данные о видении и понимании границы в традиционной культуре приводят С. Э. Ермаков и Д. А. Гаврилов. Символом и знаком границы в традиции выступают ограды, рвы, реки, окна, мосты, пороги, двери, углы, ворота, моря, пути и дороги, перекрестки и перепутья, межи (расположенные между одним и другим), горы, зеркала, восходы и заходы светил, полдень, полночь. Также это могут быть любые особые точки пространства и времени: дупла, колодцы, пороги, береговые линии, которые могут служить местами переходов в иные миры и реальности. Также границей в традиции виделась мера, объем познанного и упорядоченного. Заграничное в этой оптике – не познанное, не упорядоченное, хаотичное, а потому, нередко, пугающее. Важно здесь то, что *граница в традиционной культуре воспринимается вовсе не как нечто закрытое, преодолимая преграда, а напротив, как мост, ворота, проход в иные миры и реальности¹⁷.*

О метафизических аспектах границы размышляет также Г. Тер-Абрамян. Он полагает, что *граница не только центральное философское, но и важнейшее мировоззренческое понятие*. «Понятие границы стоит в центре метафизической проблематики и трансцендентной философии уже постольку, поскольку само понятие трансцендентного, абсолютного – т.е. безграничного, беспредельного, существующего по ту сторону границ – является как бы производным от понятия ограниченного... т.е. космоса, тварного / проявленного мира» (387, с.88). В мифологии граница выступает с одной стороны как *нечто отрицательное, подлежащее преодолению, как преграда на пути к свободе*, а с другой стороны она является *оградой и защитой от сил разрушения и хаоса*. Ещё одно свойство границы заключается в том, что *она оказывается линией перехода одного в другое*. В этом заключается *противоречивость понятия границы и причины нашего неоднозначного отношения к ней*. В социальном аспекте граница является не только центральным этическим понятием, так как любая нравственность начинается с добровольного наложения на себя ограничений-запретов, но и началом любой цивилизации. «Варвар тот, кто имеет минимальное количество табу и в этом смысле ближе к животным, чем к «настоящим людям» (387, с.89), – считает Г. Тер-Абрамян¹⁸, который также движется в русле инволюционной «полицейской мысли», не желающей признавать очевидности большей

¹⁶ Это прозрачно намекает на то, что философия отнюдь не является высшей формой знания.

¹⁷ Ермаков С. Э., Гаврилов Д. А. Опора Мироздания. Мировое древо и Скала Времен в традиционной культуре. – М.: Ганга, 2009. – 288с.

¹⁸ Получается, что степень свободы животных выше, чем человека. Но здесь автор ошибается, так как более высокоразвитая система всегда более свободна, чем низкоразвитая. Поэтому большое количество «табу» – напротив признак дикарей, а не высокоразвитых народов.

свободы характерной для более высокоразвитых систем. Рост «табу» и запретов – это путь инволюциализации, а не цивилизации.

Однако более чёткое определение понятия социальных ограничений даёт «Большой толковый социологический словарь» (52). «Ограничитель (constraint) – ограничивающее социальное влияние, ведущее индивида к соответствию социальным нормам или ожиданиям» (52-Т.1, с.518). Это определение, на мой взгляд, более точно, но связи с общими категориями в нём не прослеживается. То есть, определение этого словаря остаётся на уровне частно-научного, социологического понятия, что для нас является недостаточным.

«В философских категориях – это является одним из их важнейших признаков – отражается сущность более высокого порядка, чем в понятиях какой-либо науки – необходимая закономерная связь, общая явлениям различной природы» (206, с.73), – отмечал М. И. Конкин. А значит, *вопрос заключается в том, можно ли связать понятие «социальные ограничения» с общими философскими категориями?* На мой взгляд, это не только возможно, но и необходимо для более точной дефиниции этого понятия и ликвидации разрыва между его использованием в конкретной науке и философии.

Можно принять, что ограничение – это общее (то есть содержащее более одного элемента), *абстрактное* (свойством предметов и явлений может быть их ограниченность) понятие. Это *видовое понятие (разновидность) родовой категории «необходимость»* (как антипода свободы). Понятие социальное ограничение (множественное число – социальные ограничения) в свою очередь является конкретизацией понятия «ограничение», его частным, социальным выражением. Антиподом понятия «ограничение» является понятие «неограниченность» (или его синоним – «безграничность»). Соответственно, социальной ограниченности противостоит социальная неограниченность: например, можно сказать: «социально неограниченный человек».

Рассмотрим эти определения подробнее. Ограничение – это действительно общее понятие, так как могут быть разные виды ограничений: например день ограничен восходом и заходом Солнца, год ограничен оборотом Земли вокруг Солнца, территория государства ограничена его границами, то есть разновидностей ограничений много. Это действительно абстрактное понятие, так как свойством предметов и явлений может быть их ограниченность, и любой единичный материальный предмет ограничен своей формой. У Аристотеля форма, ограничивая материю, превращает её из потенциальной в актуальную (т.е. проявленную, видимую). Будучи абстрактным понятием, ограниченность имеет и своё конкретное выражение – например, государственную границу. Это понятие является видовым понятием (частным случаем) категории необходимость, которая может проявляться наряду с ограничением как зависимость, принуждение, предопределённость и т. п. Конечно, понятия зависимость, принуждение, предопределённость имеют смысловую связь с понятием ограничение и могут определяться через него, например зависимость – это ограничение независимости; однако их смысловые оттенки и контекстуальная конкретизация различны и заданы в конечном итоге самим языком, а также нуждами и пониманием говорящего на этом языке.

Давать определение категории «необходимость» не входит в нашу задачу. Следует отметить, однако, что дефиниции этой категории были различными *в зависимости от общих философско-мировоззренческих позиций определяющих*. Например, в Философском энциклопедическом словаре необходимость определяется как «отражение преимущественно внутренних, устойчивых, повторяющихся, всеобщих отношений действительности, основных направлений её развития...» (415, с.409). Н. А. Бердяев выражал в этом вопросе иное мнение: «Материальная зависимость есть порождение нашей свободной воли. Необходимость есть лишь известное, дурно направленное соотношение живых и свободных субстанций разных градаций» (45, с.63). И. Кант считал необходимость априорной формой рассудка, фатально этим ограниченного.

Автор не будет пытаться давать здесь своего определения общей категории «необходимость», чтобы не попасть в «рабство у логических императивов, более утончённое, чем рабство у бездушной материи... против которого некуда и некому апеллировать» (233, с.50), предоставив возможному читателю свободу осуществлять её интерпретацию в зависимости от его философских позиций. Однако хотелось бы заметить, что с точки зрения методологии системного всеединства или принципа дополнительности *все известные определения этой категории содержат в себе долю истины, но и долю неполноты, делающей полное определение открытым*. При этом автор далёк от оруэлловской «диалектики» в понимании необходимости как осознанной свободы (по типу «война – это мир», «свобода – это рабство»), к которой склонялись Фихте (утверждавший, что «свобода есть нечто, что должно преодолеть» (Цит. по 233, с.168)), Гегель, Шеллинг и марксизм, когда «свобода должна быть необходимостью, необходимость – свободой»¹⁹. Но необходимость в противоположность свободе есть не что иное, как бессознательное» (456-Т.1, с.457). В решении этой проблемы автору ближе подход обозначенный Б. П. Вышеславцевым. «Что же такое... настоящая философская антиномия (например, свободы и необходимости)? Она есть логическое противоречие, за которым скрывается реальная гармоническая система противоположностей. Антиномии решаются... так, что тезис и антитезис, несмотря на кажущуюся несовместимость, оба остаются верными, но в разных смыслах. Они помогают открыть реальную систему бытия, как гармонию разных и противоположных смыслов и значений, ибо конкретная реальность не однозначна, но имеет много смыслов и значений. Так, например, антиномия „человек смертен и человек бессмертен“ решается тем, что оба суждения верны в различных смыслах, ибо человек есть гармоническое единство временных и вечных элементов, не пожирающих, но „питающих“ друг друга. По тому же самому принципу разрешается и антиномия свободы и необходимости» (88, с.28). Примером подобного решения противоречий является восточный символ ян-инь, в котором две силы – белая и чёрная взаимно перетекают одна в другую и содержат каждая в себе частицу своего антипода, образуя гармоническое единство.

Тем не менее, на мой взгляд, **при исследовании необходимости и её проявлений приоритет следует отдать свободе**, так как нельзя рассматривать необходимость исходя из неё самой, ибо это лишит нас свободы изучения и вообще поставит его под вопрос, ликвидируя, в частности, разделение на субъект и объект исследования. Поэтому, в данном случае можно методологически принять тезис Н. А. Бердяева о том, что «перво-жизнь есть творческий акт, свобода, носителем перво-жизни является личность, субъект, дух, а не „природа“, не объект» (43, с.277). «Мало того, без свободы воли не может быть ни бескорыстного искания истины, ни наслаждения красотой, ибо и то и другое лежит в области не готовых данностей, а идеальных заданностей» (233, с.195).

Поэтому, окончательную формулу методологического подхода к необходимости можно выразить так: «Свобода и необходимость суть противоположности, но *не взаимно исключают друг друга*, а такие, из которых одна есть *включающая*, а другая – *включаемая*» (88, с.73). То есть, **свобода (воля) включает в себя необходимость (ограничение), будучи шире её, так как свобода может и ограничивать саму себя**. Так, в социальном плане свобода может стать и нередко становится свободой «выбора несвободы путём сознательного самоограничения личностью своих претензий на право самовыражения» (173, с.211). «Ведь человек перестал быть животным (создал культуру) именно через постоянное и непрерывное создание „несвобод“ – наложение рамок и ограничений на дикость» (190, с.178).

Здесь необходимо уточнить некоторые аспекты в понимании свободы, так как в контексте русской (российской) и западной культур и ментальностей существуют определённые расхождения в содержании, подспудно вкладываемом в это слово. Данная проблема раскрыта

¹⁹ Всё это – эквилибристика ограничительного, «полицейского мышления».

в монографии В. Г. Федотовой (411). «Демократия, свобода Запада предстают как механизм, части которого жестко соединены в работающую конструкцию... Демократия – это социальная и политическая машина, в которой, чтобы она работала, нужно действовать по определенным правилам... Сюда входят принципы – свобода, правовое государство..., – но все эти части материализованы в части социального механизма, в основе которого труд и производство» (411, с.110). **Таким образом, «свобода» в западной культуре, во-первых, понимается строго социоцентрично, а во-вторых, она заведомо уже социальных ограничений и является их частью.** «Свобода» в демократической машине это всего лишь форма политической и цивилизационной организации общества (411). Д. Неведимов также отмечает, что «понятия свобода – «freedom» и свободный – «free» в английском языке... Это совсем не та русская Свобода. «Free» означает *бесплатный*. Свобода по-английски – это то, за что не надо платить (299, с.95). **В либеральной идеологии свобода также понимается социоцентрично, но это исключительно негативная свобода от всех мешающих «торгующему индивиду», движимому эгоизмом и алчностью** социальных ограничений: политических, нравственных, правовых, религиозных, от всех сдерживающих его экономический интерес традиций, обязательств, оценок и связей. Так понимал свободу один из классиков либерализма Дж. Ст. Милль.

*Подобная трактовка свободы совершенно нехарактерна для русской ментальности. В русской культуре свобода напротив, космоцентрична*²⁰ (например, у А. С. Панарина: См. 321), **и понимается она как «воля», свобода от всех, в том числе социальных ограничений, и трактуется порой как своеволие, анархия, возможность проявить крайности человеческой природы:** «святое и звериное». Автор использует термин свобода в понимании характерном именно для России, выраженном, в частности, в философии Н. А. Бердяева, где свобода превозносится даже, как первооснова всего бытия. Исходя из того, что **подлинная свобода шире социальности**, а социальная свобода включена в систему социальных ограничений, специально проблема свободы здесь рассматриваться не будет.

Вернемся к разбору понятия «социальные ограничения». Это понятие является частным случаем понятия «ограничения», так как общество является частью мироздания и, следовательно, социальные ограничения – разновидность ограничений существующих в мироздании и характерных для всякого отдельного предмета, явления, объекта. В случае если не рассматривать никакие явления как отдельные, то может показаться, что и *границ между ними нет, а значит и ограничений не существует. Подобное состояние можно назвать диалектическим антиподом ограничений – безграничностью или неограниченностью.* При этом неограниченность не является синонимом бесконечности, так как граница не всегда означает предел, после которого ничего нет. Ограниченность не тождественна и конечности.

Исходя из вышесказанного, автор рассматривает здесь ограничения вообще и социальные в частности, в рамках субъект – объектной парадигмы, так как именно в ней ограничения и проявляют себя.

Критика и попытки преодоления субъект – объектной парадигмы хорошо известны, можно вспомнить в этой связи Шеллинга, Гегеля, Н. А. Бердяева, М. Хайдеггера. «Гений отличается от всего того, что не выходит за рамки таланта или умения, своей способностью разрешать противоречие, абсолютное и ничем иным не преодолимое» (456-Т1, с.482), – писал Шеллинг, полагая, что снятие субъект объектного разделения доступно лишь гению посредством искусства. В. Ф. Эрн выразил попытку преодоления этой парадигмы так: «Истина не есть какое-то соответствие чего-то с чем-то, как думает рационализм, превращающий при этом и субъект, и объект познания в двух меонов. Истина онтологична. Познание истины мыслимо только как осознание своего бытия в Истине. Всякое усвоение истины не теоретично,

²⁰ Яркий пример – «космическое воспитание» К. Н. Вентцеля: см. Вентцель К. Н. Свободное воспитание: Сб. избр. тр. / Вентцель К. Н.; Сост. Л. Д. Филоненко; Ассоц. «Проф. образование». – М.: АПО, 1993. – 170с.

а практически, не интеллектуалистично, а волюнтаристично. Степень познания соответствует степени напряжённости воли, усваивающей Истину. И на вершинах познания находятся не учёные и философы, а святые. Теория познания рационализма статична, – отсюда роковые пределы и непреходимые грани. Тот, кто стоит, всегда *ограничен* какими-нибудь горизонтами. Теория познания „логизма“ динамична. Отсюда беспредельность познания и отсутствие горизонтов» (Цит. по 252, с.76—77). *Подобный подход намечает пути к снятию социальных ограничений*, однако, он не даёт возможности их полноценно исследовать, ибо для данного исследования желательно не только объединение и отождествление исследователя с ними, но и отделение от них. Н. А. Бердяев писал в своей работе «Философия свободы», что разрыв всех субстанций ведёт к необходимости, когда всё далёкое и чуждое человек начинает воспринимать как давящее и необходимое. То есть ограничения в противоположном состоянии оказываются неуловимыми, превращаются в ничто, и предмет данного исследования, таким образом, исчезает. Однако в обществе, как замечал Аристотель, живут обычные люди, а не Боги (или святые) и животные, для которых социальные ограничения несущественны («Чтобы жить в одиночестве, надо быть животным или богом... Не хватает третьего случая: надо быть и тем и другим – философом» (306-Г.2, с.561), – добавил к этому Ф. Ницше), поэтому подходить к исследованию общества с «гносеологией богов» заманчиво, но не всегда продуктивно.

Исходя из этого, в данном исследовании будут рассматриваться как субъекты, так и объекты социальных ограничений. В качестве субъектов социальных ограничений будут рассматриваться их индивидуальные или коллективные творцы и хозяева, то есть те, кто сознательно или бессознательно создают и накладывают социальные ограничения на других членов общества, а в качестве объектов социальных ограничений соответственно будут рассматриваться «жертвы» этих субъектов, существующие сознательно или бессознательно в границах социальных ограничений. Субъекты социальных ограничений выступают в качестве ограничителей, а объекты в качестве ограничиваемых. Конечно, если мыслить диалектически, то понятно, что субъект и объект социальных ограничений может совпадать в одном лице. *Ограничивая других можно одновременно ограничивать себя и быть элементом общей системы социальных ограничений ограничивающей всё общество в целом*²¹.

Для объекта социальных ограничений важно умение увидеть и осознать данные ограничения, которые могут ограничивать и подавлять как его врождённые, так и социально приобретённые свойства, качества и способности. Препятствием для этого может быть имманентность личности (группы) социальной реальности, то есть неспособность отделить себя от неё. *В этом случае, социальные ограничения будут восприниматься как нечто само собой разумеющееся*, так как подобная «внешняя личность» сама является продуктом этих ограничений и, по сути, тождественна им. То есть, *для осознания социальных ограничений человек должен быть в каком-то своём аспекте трансцендентным по отношению к окружающей его социальной реальности.* В суфизме (См. 453) и других духовных учениях и школах²² личность как социальное образование считается ничем иным, как ложной личностью, маской, которую духовно развивающийся человек *должен преодолеть, перерасти, вернуться к своей сущности.* А. А. Зиновьев в своих социальных исследованиях тоже *выбрал надсоциальную позицию «инопланетянина».* «Жизнь в идеале вовсе не лишена смысла. Она и есть истинно человеческая жизнь. Но возможна она за пределами социальности. Внутри человека, но не по его правилам» (165, с.20).

Большое значение для экспликации понятия социальные ограничения имеет определение границ того, что мы понимаем под обществом, отграничение общества от природы и не общества. Как справедливо отмечал Ю. И. Семёнов, проблема разграничения биологиче-

²¹ Это следует учитывать всем «полицейским» и рабовладельцам.

²² Напр. Самаэль Аун Веор. Принципы современного гностицизма. М.: Амрита-рус, 2013. – 288с.

ского и социального, социогенезиса вообще является непростой и спорной. На что, в частности, указывают исследования социобиологов – Э. Уилсона, К. Лоренца (249) и другие, в которых было доказано *наличие у животных значительного количества поведенческих комплексов, считавшихся прежде сугубо человеческими и созданными культурой*. Так, К. Лоренц писал о биологической основе 10 библейских заповедей. Однако граница между человеком и животным может быть проведена на основе совокупности человеческой морфологии и культуры, которой данный автор ошибочно противопоставляет «производственные отношения», являющиеся на деле частью культуры. Ю. И. Семёнов не признаёт за муравейниками и ульями статус обществ. По его мнению, «становление человеческого общества завершилось, когда все биологические инстинкты были поставлены под социальный контроль и тем самым полностью ликвидирован зоологический индивидуализм» (362, с.39).

А. О. Бороноев и П. И. Смирнов также указывают на сложность определения понятия «общество» и «социальное» и разнообразие точек зрения в этом вопросе. Основой социальной взаимосвязи разным авторам виделись: совместная деятельность людей (Платон, К. Маркс, Э. Дюркгейм), чувственные связи (Г. Лебон, В. С. Соловьёв, Й. Хейзинга), речь и коммуникация (Аристотель, Н. Луман), волевое взаимодействие (Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббс). По определению А. О. Бороноева и П. И. Смирнова «общество есть объединение людей, основанное на деятельностном взаимодействии; общество есть система субъективного типа, основанная на деятельностном взаимодействии людей» (50, с.11). Авторы выделяют преобладающие типы взаимодействия людей и соответствующие им характеры объединения: *природное взаимодействие – популяция, эмоциональное – общность, рече-коммуникационное – сообщество, деятельностное – общество, правовое – государство* (при этом последующие формы объединений включают в себя и предшествующие взаимодействия как второстепенные). При этом социум в широком смысле видится ими основанным на всех перечисленных плюс духовно-мистическом взаимодействии. Так как деятельность у этих авторов носит вынужденный характер, а общество основано на взаимодействии людей, то видение общества оказывается номиналистическим, основанным на гоббсовском вынужденном взаимодействии индивидов. *Однако общество можно рассматривать и реалистически, как предшествующее индивиду явление и концептуалистически (проявляющее общее в индивидах), а его основой видеть более широкий, чем деятельность феномен культуры.*

По нашему мнению, *главным социообразующим феноменом можно считать культуру*. Этот подход не противоречит деятельностному, так как культура может создаваться в ходе деятельности и допустимо выражение «культурная деятельность». Однако возникает вопрос, что же мы можем считать культурой? «Положение с термином „культура“ может служить образцовым примером тому, в каком состоянии находится западная социальная мысль. Известно 175 определений этого термина. И ни одно из них не является общепринятым и бесспорным»²³ (165, с.381). Культура определяется как единство художественного стиля во всех проявлениях жизни народа (Ф. Ницше), продвижение к свободе (Ф. Энгельс), совокупность организационных форм и методов определённого класса (А. А. Богданов), социальное наследование (Б. Малиновский), единство всех форм традиционного поведения (М. Мид), аспект сверхорганизмического универсума, охватывающий представления, ценности, нормы, их взаимодействия и взаимоотношения (П. А. Сорокин), социальное направление, которое мы придаём культивированию наших биологических потенций (Х. Ортега-и-Гассет), то, что отличает человека от животного (В. Освальд), религиозный культ (Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, С. Л. Франк), знаковая система (Ю. Лотман), наследственная память коллектива (Б. Успенский) и т. д. (См. 179). В результате, по мнению М. С. Кагана, возникает проблема: все определения отражают

²³ О нормальности такого состояния уже было сказано выше.

необходимое, но нет достаточного, обобщённого, всеобъемлющего. Выход из этого затруднения М. С. Каган видит в системном подходе, который он и реализует в своей работе (179).

Однако для исследования социальных ограничений подходят далеко не все из перечисленных выше определений культуры, в частности неприемлемыми являются определения Ф. Ницше и В. Освальда, неприемлемы и подходы идеологов французского Просвещения, видевших в культуре продолжение природы, определения Гегеля (этап развития абсолютного духа), Гердера (развитие способностей ума), и ряд других, например, З. Фрейда.

В нашем случае культуру можно определить как совокупность неприродной социальной информации и продуктов её использования, передаваемых от поколения к поколению внешними социальными способами (через обучение, воспитание, язык). «До возникновения языка никаких социальных структур не существует, причём язык – это не рядовой элемент культуры, но сама стихия социальной институционализации как таковой... язык не только объёмлет всю социальную структуру, но и создаёт её. Ничто в обществе не предшествует языку, и причина его возникновения может быть лишь докультурной или природной» (135, с.390), – писал Ж. Деррида, развивая идеи Ж.-Ж. Руссо. Сходной точки зрения придерживается и последователь Б. Ф. Поршнева, российский антрополог Б. А. Диденко: «отличительная черта человека – речь. И свойства человеческой речи не только чужды общению и реакциям животных, но противоположны им. Речь и язык (в широком понимании) определяют, в конечном счете, все свойства и процессы человеческой психики, сама она осуществляется только при наличии тех областей и зон коры головного мозга... которые имеются исключительно у Homo sapiens, в отличие даже от его ближайших ископаемых предков. Наконец в речевой функции вычленяется самая глубокая основа – прямое влияние на действия адресата... речи в форме внушения²⁴...» (138, с.23).

Таким образом, *культуру можно в данном случае отождествить с языком, особенно если толковать понятие язык широко*, понимая под ним всё многообразие предметов и явлений материальной и духовной культуры, каждое из которых обладает определённым смыслом²⁵. Культура в подобном понимании порождает и формирует неприродные качества человека и неврождённые способы деятельности, а также развивает, *видоизменяет и (или) подавляет (ограничивает) врождённые, природные и потенциальные способности, знания и силы людей. Культура в подобном ракурсе видится как совокупность правил и норм, как своего рода свод социальных законов*. При этом её отождествление с языком вполне правомерно – язык подобно культуре тоже имеет свои правила и набор структурных компонентов, задающих матрицу возможностей выражения – о чём-то говорить можно, а о чём-то нельзя, какие-то комбинации языковых символов противоречат правилам языка, а, следовательно, непонятны и бессмысленны, а что-то вообще нельзя выразить в языке, потому, что для этого просто нет слов. Например, «общая предпосылка любого философствования следующая: философия как таковая не располагает языком, соответствующим её подлинному назначению» (90, с.123), – писал Г.-Г. Гадамер. Аналогичную ситуацию мы имеем и в культуре в целом, а не только в языке, который в узком филологическом смысле может представляться лишь её частью.

Таким образом, **социальные ограничения** могут быть определены как необходимая *система социальных детерминант, определяющих спектр возможностей, становящихся социальной действительностью в процессе общественных отношений и общественной практики*. Система этих детерминант отражает закономерный, необходимый характер социальных явлений, социального действия и предстаёт в виде совокупности экс-

²⁴ Это имеет огромное значение в манипуляции сознанием и подсознанием, особенно в сфере подсознательного программирования поведения масс, в чем сегодня весьма преуспели СМИ.

²⁵ См. борьбу Н. Н. Васькевича против «бессмысленных слов»: Васькевич Н. Н. Системные языки мозга. – М.: б/и, 1998. – 400с.

явных) и имплицитных (скрытых) социокультурных правил и норм, моделей поведения, стереотипов мышления, средств, способов и результатов самовыражения людей, которым они сознательно и (или) бессознательно подчинены и за пределы которых не могут или не хотят выходить даже тогда, когда это необходимо для них самих и (или) общества, в котором они живут. Из данного определения следует, что в роли социальных ограничений могут выступать не только идеальные нормы и стереотипы поведения, но и продукты материальной культуры. Следовательно, социальные ограничения имеют смешанный, идеально-материальный характер, что отделяет их от идеальных норм. Синтетическое, обобщённое рассмотрение норм, стереотипов поведения и материальных артефактов позволяет увидеть их общую ограничительную функцию, которая при ином ракурсе их рассмотрения не очевидна. Снятие социальных ограничений осуществляется посредством девиантного (отклоняющегося) поведения, которое может быть позитивным (творчество) и негативным (преступность).

Примером писанных, то есть зафиксированных в языке и оглашённых социальных ограничений может служить право, а неписанных социальных ограничений, то есть чётко не зафиксированных и не всегда оглашённых в языке – мораль. *Достаточно очевидно также, что социальные ограничения – это не набор хаотических элементов, разрушающих друг друга (в этом случае они не могли бы функционировать), а своеобразная система, имеющая свою структуру, функции, элементы и атрибуты, которые следует по возможности выявить и описать на основе системного подхода, что и будет сделано ниже. Из данного выше определения следует, что понятие социальные ограничения шире более традиционного понятия «ценностно-нормативная система» и задаёт видение ценностно-нормативной системы в определённом, а именно ограничительном ракурсе. «Традиция охватывает все от „применения“ орудий, технологий ..., до ремесленных навыков в изготовлении видов приборов, форм украшений и т. д., от соблюдения нравов и обычаев до культивирования показательных образцов...» (90, с. 260), писал Г.-Г. Гадамер и поэтому не имеет смысла при познании социальных ограничений рассматривать лишь их изолированные фрагменты.*

Следует также соотнести понятие социальные ограничения с более известными и привычными понятиями, такими как социальное управление, социальный контроль, социальная дискриминация и девиантность (отклоняющееся от норм поведение).

По отношению к социальному управлению социальные ограничения могут выступать в двойственной форме и являться как инструментом данного управления, так и его источником и рамками. В процессе управления его субъект может накладывать или снимать те или иные социальные ограничения на управляемый объект, то есть, по сути, социальное управление представляет собой ни что иное, как искусство манипуляции социальными ограничениями в чьих-то интересах²⁶. С другой стороны, социальные ограничения являются рамками, в пределах которых осуществляется социальное управление и, выходя за них, управление становится уже не социальным. Но социальные ограничения являются, что особенно важно, источником социального управления, ибо управляющий в своей деятельности неизбежно руководствуется теми или иными нормами, установками, поведенческими и ментальными стереотипами, выступающими в роли явных или скрытых детерминант его деятельности. Также любые системы верований, представлений, убеждений индивида или социальной группы могут использоваться и используются в качестве инструмента для манипуляции ими. Так, например, при колонизации «туземцев» европейцами им сначала (или параллельно) навязывалась христианская религия, опираясь на внедрённые нормы которой колонизаторам было гораздо проще манипулировать их поведением и мышлением. Эта же операция

²⁶ См. напр. Парабеллум А. 99 законов власти и лидерства. – М.: АСТ, 2016. – 320с., Грин Р. Законы власти. – М.: РИПОЛ-классик, 2006. – 320с.

ранее была произведена с самими европейцами, а в последние десятилетия – с населением «постсоциалистических» стран. Поэтому *грамотное управление невозможно без понимания системы социальных ограничений*.

Социальный контроль (которым в современной России пытаются подменить демократию) *есть способ реализации различных социальных ограничений*. А. А. Рябов определил социальный контроль как «способ саморегуляции любой социальной системы, регламентирующий и консолидирующий деятельность (поведение) ее членов, стабилизирующий ее собственное функционирование и развитие посредством формирования (стихийного или сознательного) личностных, групповых и институциональных стандартов деятельности (поведения), оценки на их основе реальной деятельности (поведения) людей и последующего приведения ее в соответствие с ними при помощи социальных санкций» (356, с.6). Сходные определения можно найти и в других источниках: (18, с.13; 415, с.612). О. Г. Антонова определяет социальный контроль как «общественный процесс, имеющий целью наблюдение за функционированием социальных объектов / социальных общностей, институтов, индивидов/, проверку и оценку результатов их деятельности в соответствии с социальными нормами, а также применение к объектам определенных мер воздействия с целью ликвидации негативных явлений / отклонений/ и всестороннего развития позитивных явлений и тенденций» (18, с.13). Таким образом, *посредством социального контроля субъект управления накладывает на личности и общество социальные ограничения и следит за их функционированием*. При этом изначальный субъект управления и непосредственный «социальный контролер» (проверяющий что-либо чиновник, полицейский, судья) могут не совпадать и, как правило, не совпадают. В этом случае «проверяющий» оказывается в роли машины, инструмента истинного субъекта социального контроля, что часто не осознается им, так как он психологически отождествляется с верховным контролером, начиная, условно говоря, «думать его головой», действуя своими руками, ногами и языком. Такой «проверяльщик» оказывается в этом случае в роли дистанционно управляемого биоробота истинного субъекта социального контроля, что для видящих и понимающих это, выглядит смешным. К сожалению, в таком состоянии «бессознательных роботов-полицейских» находится сегодня значительная часть населения.

Социальный контроль является одной из **функций** социальных ограничений. **Социальная дискриминация, как лишение каких-либо прав личности или группы на основании их признаков и свойств есть всего лишь одно из проявлений социального контроля в его негативном аспекте**. Социальная дискриминация (расовая, половая, религиозная) является методом реализации социальных ограничений и может быть одной из форм социального контроля. **Современному человеку необходимо четко различать где, в чем и как он подвергается социальной дискриминации и кто (что) является её источником и причинной**. Дело в том, что сегодня она зачастую реализуется негласно, скрытно, в обход официальных правовых норм, гарантирующих всем равные права и *некоторые свободы*. Например, хотя Конституция РФ 1993 г. в ст. 23 гарантирует каждому (при этом, не раскрывая значения термина «каждый») право на неприкосновенность частной жизни, сегодня каждый проживающий в РФ систематически подвергается не санкционированному им видеонаблюдению и прочим формам слежки и контроля. Не исключена и возможность составления чиновниками, спецслужбами и частными компаниями различных негласных «черных списков», служащих основаниями для негласного умаления и ущемления, законодательно гарантированных прав и свобод человека и гражданина. При этом *принудительно и тайно пораженный в своих правах человек и гражданин может даже не подозревать об этом*. Сама же эта проблема в обществе широко не обсуждается, что только усугубляет негативное влияние данной формы социальных ограничений.

Девиация, то есть отклонение, а конкретнее девиантное (отклоняющееся) поведение, не соответствующее принятым в данном конкретном обществе нормам и стандартам есть способ преодоления, снятия определённых форм социальных ограничений, их видоизменения

и трансформации. *Как справедливо замечал известный ученый-юрист Я. И. Гилинский, девиантное поведение может быть полезным (творчество) и вредным (преступность).* Поэтому девиацию как понятие и явление не следует считать чем-то заведомо негативным, как это принято в «полицейской» псевдокультуре. *Разумный человек не должен быть заражен мемами неофобии, ксенофобии, девиантофобии, инакофобии и прочими деструктивными комплексами мышления и поведения. «Культура изменяется посредством отклоняющегося поведения. Прежде всего – в результате социального творчества, но также и под воздействием социальной патологии» (107, с.15), – писал Я. И. Гилинский. Так как в обществе преобладающих «консервативных ценностей» не санкционированные властью изменения не одобряются, то в нем разворачивается настоящая борьба с культурой (наукой, искусством, образованием, политикой), что мы могли наблюдать как в прошлом – инквизиция, фашизм, так и сегодня.*

Выявив категориальный статус социальных ограничений, сформулировав определение этого понятия и соотнеся его с логически связанными с ним понятиями, мы получаем теперь возможность более подробно разобрать некоторые онтологические и гносеологические проблемы исследования социальных ограничений.

1.2. Онтологические и гносеологические проблемы исследования социальных ограничений

В предыдущем разделе уже были рассмотрены *некоторые* онтологические и гносеологические проблемы исследования социальных ограничений, неизбежно возникшие по ходу решения задачи определения этого понятия и включения его в общую систему философских категорий, в частности был выявлен субъект и объект социальных ограничений и *проведена граница социального и не социального*. В данном разделе этот разбор будет продолжен.

Решая проблему изучения социальных ограничений, необходимо иметь в виду, что социокультурные нормы, правила и прочие средства выражения культуры *должны пониматься отнюдь не только как ограничения и препятствия; их можно мыслить, понимать и использовать также в качестве возможностей и свобод для самореализации человека*. Как отмечал Е. М. Харитонов, общество существует только в человеческом действии и, хотя и зависит от него, но не является его продуктом; то есть *социальные структуры существуют как средства и возможности для человеческих действий, хотя иногда и ограничивают их* (См. 434). Поэтому, *описание их ограничительного аспекта не является отрицанием противоположного, освободительного*²⁷. Подобная трактовка исследования социальных ограничений явилась бы обывательским, чисто рассудочным подходом, *не поднимающимся до разума, диалектики (полилектики²⁸) и мышления, феноменом манипулятивно-одномерного сознания*. От такого подхода предостерегал М. Хайдеггер в своём известном «Письме о гуманизме» (См. 338, с.341—342), указывая, что *критика ценностей, логики, гуманизма, религии ещё не говорит об утверждении того, что является их рациональным антиподом*. Однако, именно такой подход свойственен *эмоциональному рассудку*, мыслящему по принципу «или-или», который *обоснованно высмеивал* Гегель, в то время как *развитой личности* свойственно «целостное (критическое) восприятие вещей» (242, с.62), гарантирующее реалистичность восприятия мира. Неслучайна, видимо, нарочитая усложнённость некоторых текстов М. Хайдеггера, рассчитанная на *отсеивание подобных одномерно-рассудочных критиков и читателей*²⁹.

Чтобы понять особенности функционирования социальных ограничений следует рассмотреть *вопрос о том, являются ли социальные ограничения необходимым атрибутом общества и каковы законы их функционирования*.

Б. П. Вышеславцев писал: «И вот что особенно удивительно: причинная необходимость не только не противоречит свободной целесообразности, не только не уничтожает её, но, напротив, является необходимым условием её возможности. Человек только тогда может осуществлять свои цели при помощи ряда средств, если законы причинной необходимости остаются ненарушаемыми, ибо ряд средств есть ряд причин... Если бы природа действовала свободно и произвольно, человек окончательно потерял бы свободу действия: он стал бы рабом случая, или же рабом населяющих природу и свободно действующих духов. Результат ясен: свободная воля, действующая по целям, возможна только в таком мире, который насквозь причинно детерминирован. „Индетерминизм“ уничтожил бы свободу действия» (88, с.72).

Из сказанного выше мы можем сделать вывод, что *без чёткой и устойчивой системы социальных ограничений в обществе, сколько-нибудь устойчивое целодостижение и функцио-*

²⁷ Также не следует приписывать автору исследования социальных ограничений позицию их апологета, сторонника, пропагандиста и пророка, с чем, увы, автор столкнулся.

²⁸ Многомерного, а не дуального, как в диалектике восприятия явлений. Полилектика – термин А. С. Шушарина: См. Шушарин А. С. Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии). – М.: Мысль, 2005.

²⁹ Способ самозащиты от агрессии со стороны дураков.

нирование отдельных личностей и групп на основе сознательно поставленных планов, целей и систем ценностей невозможно³⁰. **Отсутствие чёткой системы ограничений в обществе лишает субъекта социального действия свободы достижения сознательно поставленных целей.** Получается, что в известной мере, чем *незыблее социальные порядки и законы, тем больше в обществе возможностей для сознательного творчества*, а их постоянное изменение («перманентная революция» по Л. Д. Троцкому или её разновидности – перманентные реформы и законотворчество, инновационная, модернизаторская лихорадка), может рассматриваться как *метод подавления в обществе свободы*. Однако, это верно только для сознательно планирующего, целерационального сознания и субъекта. *Если же сознание иррационально и реактивно*, а его носитель стремится не к созиданию, а к поиску приключений, готов идти «куда глаза глядят» или куда укажет телевизор и реклама, *то наличие чёткой детерминации, в том числе и социальной необязательно и даже нежелательно*. Искателю приключений, объекту природного и социального хаоса ни природная (социальная), ни ценностно-целевая детерминация свободной личности не нужна, ибо ограничит свободу его бессознательных приключений. То есть, попросту говоря, «перманентный реформизм» связан с бессмысленной активностью тех, кого называют «дураками» и их вождями.

Поэтому, мы можем сделать вывод, что социальные ограничения будут более чёткими, явными, устойчивыми, значимыми в более целерациональных обществах, ориентированных на созидание и реализацию каких-то своих проектов (которые, однако, могут и противоречить интересам, желаниям и потребностям части общества). Напротив, для реактивных, бессознательных, зависимых обществ социальные ограничения менее значимы (что, с другой стороны, даёт большую свободу индивидам и группам, не вписанным в общесоциальный «мейнстрим»). Например, для постсоветской России 1990—х гг. было характерно снижение целерациональности по сравнению с СССР, а, следовательно, снятие, ослабление, релятивизация многих социальных ограничений и усиление их изменчивости, подвижности, неопределённости. Наиболее чёткие и жесткие системы социальных ограничений мы видим в различных рационалистических утопиях («Законы» Платона) и тоталитарных государствах (См. 212, 292). Однако **представить общество без социальных ограничений затруднительно, ибо в этом случае оно должно было бы быть полностью реактивным и иррациональным, а также нематериальным**, причём постоянная изменчивость подавляла бы в нём возможность любого заранее спланированного, рационального действия и достижения. В истории такие общества неизвестны. Поэтому эмпирически мы наблюдаем во всех обществах изменчивое сочетание ограничений и свобод в различных пропорциях. Отсутствие социальных ограничений в гипотетическом обществе означало бы ещё и отсутствие культуры и языка, для которых характерны правила и ограничения, ибо культура и язык целерациональны. Язык, как и культура, существуют для того, чтобы нечто выражать, фиксировать и передавать, то есть, заключают в себе определённую цель. При этом, однако, *культурные артефакты, символы, слова могут быть многозначны и должны восприниматься полилектически, то есть многомерно*, а не одномерно и однозначно (этот вопрос не следует упрощать). Статус членов такого гипотетического общества должен был бы также быть неопределённым и изменчивым, и их нельзя было бы чётко определить как существ (людей), принадлежащих к данному обществу, а не к какому-то иному миру и форме существования (что, с другой стороны, давало бы им большую свободу). Однако, в подобной ситуации находится любой религиозный человек, воспринимающий себя в качестве «гражданина, как минимум, двух миров» – обыденного и потустороннего. В такой системе координат живут также мистики, эзотерики, шаманы³¹.

³⁰ Поэтому современные законодатели постоянно меняют правила социальной игры (законы) для нейтрализации социальной активности масс.

³¹ См. напр. Филос. Гражданин двух планет. – М.: Сфера, 2011. – 512с., Серкин В. Звезды Шамана: философия Шамана. – М.: АСТ, 2017. – 320с.

Так как ранее *атрибутами социальности* были определены *культура, язык и человеческий статус* её обладателей, то можно сделать вывод, что обществ без социальных ограничений не существует, или подобные гипотетические феномены нельзя назвать обществами по определению. Конечно, мы должны учитывать и современные вызовы и ситуацию в данной сфере, в частности *проблему размывания человеческого статуса*, в условиях развития биотехнологий и прочих возможностей, делающих его порой неопределенным в случае появления клонов, химер, киборгов, мутантов, внеземных гуманоидов и прочих подобных существ³². На эту тему много различных видеоматериалов в интернете. Существует и проблема определения человеческого статуса в нормативно-правовых документах, например, в Конституции РФ 1993г.

Показательно, что многие «идеальные общества» из известных социальных утопий и антиутопий Платона, Т. Кампанеллы, Т. Мора, Ф. Бэкона, Дж. Оруэлла, Е. Замятина, О. Хаксли и других авторов (См. напр. 320, 407) отличались значительной социальной регламентацией. Социальный хаос, царивший в эмпирически наблюдаемых утопистами обществах, казался им очевидным социальным злом, а не «материалом» для исследования и работы. Поэтому представление о *неограниченной свободе* в идеальном обществе, к которому склонялись некоторые утописты анархической и либеральной ориентации выглядит совершенно несостоятельным и логически противоречивым. Скорее в данном случае нужно вести речь об иной, возможно более широкой и подвижной, системе социальных ограничений, изучение и понимание которой и позволит выявить методом «от противного» содержание и структуру имеющихся в обществе свобод. Использование подобной методологии может достаточно легко показать несостоятельность работ, подобных книге известного либерального утописта К. Поппера «Открытое общество и его враги» (337). У К. Поппера в один реестр «закрытых обществ» необоснованно попадают *общества с различными системами социальных ограничений*, в частности, происходит смешение тоталитаризма XX века и традиционных обществ прошлого. Поэтому, *следует говорить не о «свободных и несвободных», «открытых и закрытых» обществах, а о различиях в них систем социальных ограничений*, уходя от метафор, «легенд прикрытия» и манипулятивных мистификаций в данной сфере, свойственных публицистическо-журналистской, «агитпроповской» методологии мышления и речи. Читателю также следует учиться отделять попытки научно-философского исследования и объяснения социальных явлений от их манипулятивно-пропагандистских имитаций.

Онтологический статус социальных ограничений таков, что они являются неотъемлемой принадлежностью, любого общества. Более того, социальные ограничения фактически являются одним из системообразующих факторов общества, без наличия которого общество не может существовать. Получается, что социальные ограничения – атрибут нашего социального бытия и подобно этому бытию они различны, познаваемы, изменчивы.

Важным является и вопрос о наличии или отсутствии *законов функционирования социальных ограничений*, который тесно переплетается с вопросом о наличии социальных законов вообще. Как известно, вопрос о наличии или отсутствии социальных законов является спорным. В Философском энциклопедическом словаре закон определяется как «категория, отображающая существенные, необходимые и повторяющиеся связи между явлениями реального мира» (415, с.194). Общественные законы согласно тому же словарю это «объективно существующая, повторяющаяся существенная связь явлений общественной жизни или этапов исторического процесса, характеризующая поступательное движение истории» (415, с.195). По мнению материалистов, люди не могут ни уничтожить, ни изменить или преобразовать

³² См. напр. Тюняев А. А. Метафизика человека: люди, клоны и химеры. – М.: Белые альвы, 2017. – 176с., Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. – М.: ИФ РАН, 2017. – 151с.

законы, в том числе и социальные, которые действуют помимо их сознания и воли (наподобие Бога в религиях). «Измениться в зависимости от исторически различных условий может лишь форма, в которой эти законы прокладывают себе путь» (270-Т.32, с.461). Однако при дальнейшем разборе материалистического понимания социальных законов мы всё более и более входим в зону противоречий и парадоксов.

«Законы природы реализуются и тогда, когда в их действие не вмешивается человек. В реализации же законов общественного развития обнаруживается своего рода парадокс. Сразу же подчеркнём, что речь идёт не о логическом парадоксе, ... существующем только в нашей голове. Речь идёт о парадоксе реальном, возникающем в ходе исторической практики людей. С одной стороны, законы общественного развития ... возникают, действуют и сходят со сцены независимо от воли и сознания людей. С другой же стороны, законы общественного развития реализуются только через деятельность людей. И там, где людей нет, или они есть, но ведут себя пассивно, ... никакие социологические законы реализоваться не могут» (216, с.50—51), – писал С. Э. Крапивенский. Как известно, классические естествонаучные законы характеризует воспроизводимость, повторяемость, независимость от личности исследователя. Исходя из данного С. Э. Крапивенским определения, по аналогии можно предположить: если я подкидываю камень, закон притяжения действует, а если сижу, сложа руки – не действует, и там где меня нет, закон тяготения тоже не действует. Но в таком случае, это *не объективно, а субъективно существующая связь между явлениями*, что противоречит данному выше их определению.

Марксист А. А. Зиновьев пытается разрешить эти *парадоксы* следующим образом. Он утверждает, «что социальные законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей» (165, с.74). Тогда получается, что сознание и воля людей детерминированы этими законами. Однако, обходя это противоречие, *логик* А. А. Зиновьев утверждает, что «объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Как раз наоборот, люди их обычно вообще не знают и постоянно игнорируют их, поступая так, как будто никаких таких законов нет» (165, с.75—76). *Такие вот, оказывается странные эти социальные законы: вроде бы они и есть, да только почти никто и никогда их не выполняет, так что их с другой стороны как бы и нет.* Итак, свобода воли людей оказалась оправданной, но *под вопрос опять попал объективный характер этих законов.* При этом, по мнению А. А. Зиновьева, люди часто нарушают и природные законы, расплачиваясь за это, что, их, однако, не отменяет. В качестве примера этот автор приводит объективный, независимый от воли и сознания людей социальный закон организации и успеха дела, в соответствии с которым у группы должен быть компетентный руководитель и адекватные делу члены группы. Если же этот закон проигнорировать, то группа успеха не достигнет. Однако и в случае соблюдения этого «закона» 100% гарантии успеха для группы нет – этому могут помешать внешние влияния, ошибки в оценке компетентности её членов и многое другое. А главное, этот «закон» *будет работать, только если подлинная цель группы – достичь успеха в деле, а не какая-то иная*, что тоже иногда бывает. Здесь и закрадывается подозрение, что «социальные законы» А. А. Зиновьева не законы, а просто *правила целерациональной деятельности в обществе, зависящие, как и порядки в обществе, делающие именно их актуальными, от воли и сознания людей.*

Далее А. А. Зиновьев пишет, что в «реальности одновременно действуют различные законы» (165, с.77), *проявляющиеся через массу отклонений и нарушений (?)* и, игнорируя одни социальные законы, люди действуют в силу каких-то других. Но если число этих законов бесконечно (об этом вопросе автор умалчивает), то они фактически не действительны, ибо всегда можно переключиться с одного закона на другой, а также невозпроизводимы, непроверяемы, и *полностью непознаваемы.* Далее автор утверждает, что социальные законы не тождественны необходимости, но при этом универсальны и «суть самые глубокие механизмы

социальных явлений» (165, с.79). Именно эти объективные и неискоренимые в силу их объективности и независимости от воли людей законы – источник всех зол и бед человечества и помеха построению идеального общества. Таким образом, *пройдя через свободу воли людей в выборе этих «законов» и их несоответствие необходимости мы снова упираемся в детерминизм, с которого и начали их исследование.* Подобная «закольцованность» сознания, блуждающего по замкнутому кругу не может являться подходящей основой для исследований. Наука должна открывать и постигать новое знание, а не возвращаться по кругу к своей исходной точке без приращения знаний. Подобное «блуждание по кругу» является имитацией подлинного мышления и исследования.

В целом концепция социальных законов А. А. Зиновьева представляется мне во многом надуманной и противоречивой. Задолго до А. А. Зиновьева В. Ф. Эрн писал: «Вещь, отрешённая от всех иррациональных моментов, может браться рационализмом лишь в узких пределах её механических свойств. Отсюда рационализм неизбежно исповедует: а) *механистическую* точку зрения не как метод только, но и как последнее объяснение космической жизни и б) *связанный с этим универсальный детерминизм*» (483, с.291). В этой связи естественно задаться вопросом, насколько методологически грамотно и правомочно объяснять общество исходя из редукционистско-ограничительной механистической парадигмы, как это делает А. А. Зиновьев, при том, что ещё Ф. Энгельс наряду с механической формой движения выделял социальную? Конечно же, явления не следует объяснять исходя лишь из «узких пределов их механических свойств». *Редукционизм вообще не является методом познания, так как не расширяет, а суживает, ограничивает знание о мире, являясь методом создания невежества, а не знания и имитацией исследования чего бы ни было.* Редукционизм можно, на наш взгляд, даже квалифицировать как ложную методологию познания, практикуемую инквизиторско-полицейской лженаукой.

Более серьёзную попытку обосновать наличие социальных законов представляют работы В. М. Бехтерева (48) и А. А. Давыдова (146). В. М. Бехтерев рассматривал законы общества как проявление коллективных рефлексов, как более сложный вариант физико-механистических законов. Он выводит 23 физико-механистических закона общества, которые, однако, оказываются общезначимыми, а не чисто социальными. При этом возникают вопросы, насколько уместным является редукция общества к природе и даже *физико-механистическим взаимодействиям мёртвых тел*, а также *каким образом регулируются противоположные и несовпадающие законы* в системе В. М. Бехтерева? Ответов на них этот исследователь не даёт. А. А. Давыдов даже выводит математическую формулу «закона свободных действий людей»³³ (146, с.109). Однако в самом определении этого закона можно усмотреть логическое противоречие, так как *действия подчинённые и ограниченные некоей формулой в принципе уже не являются свободными.* При этом А. А. Давыдов вводит в свою формулу такой трудно определяемый параметр как «количество людей желающих совершить свободное действие» (146, с.109). Однако аргументированные возражения против выведения подобных социологических законов ещё более 100 лет назад приводились С. Н. Булгаковым в работе «Философия хозяйства». Поэтому прежде чем писать книги, есть смысл хорошенько освоить уже накопленный культурный багаж человечества. С. Н. Булгаков в частности писал: «*Социальный детерминизм не есть вывод социальной науки, но её методическая предпосылка, обуславливающая самое её существование.* Естественно поэтому, что свобода и творчество оказываются вне поля зрения социальной науки... Человеческая свобода, как творчество, вносит в социальную жизнь нечто совершенно новое и индивидуальное, что нарушает постулируемое социологией единообразие и всеобщую типичность социальной жизни» (65, с.203). Можно согласиться с видением С. Н. Булгаковым социальных законов О. Конта, Г. Спенсера и К. Маркса, как фикций и абстракций, примени-

³³ Это опять та же «бездумная наука» М. Хайдеггера играющая бессмысленными словами Н. Н. Вашкевича.

мых лишь для характеристики совокупностей людей, *но ничего не говорящих о каждой конкретной индивидуальной судьбе*, как равнодействующих индивидуальных фактов, *не предопределяющих, однако, этих фактов*.

Другой методологический подход к решению этой проблемы предлагается в русской религиозной философии³⁴.

«В Царстве Божием *не мыслимы повторения одного и того же, там нет места для законов и правил в смысле однообразного повторения одних и тех же содержаний бытия*. Наоборот, в душевно-материальном царстве, *где ставятся узкие цели*, и где новое расширение жизни достигается с величайшим трудом, *одни и те же действия повторяются бесчисленное множество раз; чем ниже ступень развития деятеля, тем более проявления его оказываются правильно повторяющимися*. Категории *качества* (выразимые в отвлечённых понятиях черты эмпирического характера) и *количества* выдвигаются на первый план в этом строении бытия. Поэтому *получается видимость правоты детерминизма, утверждающего, будто содержание и течение событий в природе подчинено во всех деталях неизблемым, неотменимым законам*»³⁵ (254, с.595), – писал Н. О. Лосский. Однако, как отмечает далее Н. О. Лосский, *детерминисты заблуждаются* и вот почему: «Творческие акты, действительно, редко осуществляются в нашем царстве бытия и возникают, обыкновенно, при соучастии *случайных* влияний среды, наталкивающих деятеля на новые пути поведения, которые усваиваются вслед за тем другими деятелями путём *подражания*. Усматривая эти условия развития поведения, рефлексологи и вообще сторонники механистического мировоззрения воображают, что теории поведения, отвергающие ...свободу воли, ...и... значение сознания, правильны; однако... *они упускают из виду, что подхватить благодетельные указания случая и целесообразно использовать их для выработки новых деятельностей* может только существо, *обладающее способностью целестремительной деятельности и поставившее себе цель... раньше того случая, который наталкивает на открытие и изобретение*. В этом динамическом волевом моменте поведения *кроется свобода, которой не замечают рефлексологи*»³⁶ (254, с.595—596).

Получается, что *детерминированность, то есть закономерность, подчинённость действию законов для деятеля (человека) обратно пропорциональна степени его духовности*. Чем более духовен человек, чем шире его восприятие, чем больше у него целей, *тем больше случайностей он может заметить в мире и использовать для творчества* как способа снятия ограничений, непредсказуемого внесения нового, выходящего за пределы законов. Под духовностью здесь можно понимать не только её религиозную интерпретацию, но и то содержание, которое вкладывал в эту категорию Гегель. Категорию духа можно отождествить с внутренним, непространственным, нематериальным миром, в котором существуют сознание, творчество, ценности, цели, право, мораль и т. п. С этих позиций вести речь о социальных законах как минимум некорректно.

Однако, тотальный (или *полицейско-инквизиторский*) материализм, утверждая наличие социальных законов, действует вполне последовательно и логично. Абсолютный детерминизм неизбежно следует из основной *аксиомы* (бездоказательной установки) материализма о том, что всё есть материя, а духовные явления – лишь её «отражения» в другой материи. Если согласиться с этим, то получается, что никакой свободы духовный фактор не имеет. Однако здесь материализм впадает в противоречие. «Предпосылкой овладения силами природы с их причинами и следствиями является неподверженность нашего „я“ в его субстанциональной основе

³⁴ В науке наилучшей является та теория, которая наилучшим образом объясняет имеющиеся факты, даже если она и имеет ярлык «ненаучности»

³⁵ Курсив в цитате наш.

³⁶ Скорее свободу умышленно не хотят замечать, т.к. их теории выполняют полицейско-ограничительные функции, а не познавательные функции.

цепи причин и следствий. Иначе как могло бы „я“ рассматривать причины и следствия как объекты, если бы оно не было стоящим над ними субъектом? *Наше „я“ не могло бы сознавать законов природы и овладевать ими, если бы оно было лишь частью природы»* (233, с.58), – отмечал С. А. Левицкий. *Материализм же утверждает не только наличие подобных законов, но и возможность их познания и использования. Это противоречие хорошо проявилось в марксизме, который с одной стороны утверждает историческую неизбежность и закономерность смены общественно-экономических формаций, а с другой стороны, требует активных действий, революции для реализации этого процесса. Утверждая необходимость революционной борьбы и социалистической революции, марксизм имплицитно признаёт, что существует не закон, а лишь тенденция смены одной общественной формации другой, которую следует активизировать и реализовать путем практических действий в соответствии со своим свободным выбором.* На мой взгляд, это противоречие является всего лишь пропагандистской уловкой, предназначенной для убеждения (программирования) интеллектуально поверхностных людей с различными мировоззренческо-психологическими установками: на социальную активность и пассивность. Социально пассивных *миф* о неизбежности смены общественных формаций должен был подготовить и примирить с данной возможностью, социально активных же должна была вдохновить на борьбу обещающая победу революционная риторика. В данном случае создатели марксизма действовали в точном соответствии с теориями Г. Лебона, который, в частности, писал: «Чем более кратко утверждение, чем более оно лишено какой бы то ни было доказательности, тем более оно оказывает влияние на толпу» (231, с.240), *мнения и верования в которой распространяются не путём рассуждений, а путём заразы* (сегодня это называют информационно-психологическими вирусами – мемами). Поэтому серьёзно воспринимать теорию социальных законов со стороны данного идеологического учения не приходится: его социальные законы больше похожи на придуманные авторами идеологии целерациональные установки и алгоритмы действий, предназначенные для достижения массами поставленных идеологами целей и социальных результатов. *Фактическая цель подобных придуманных социальных законов состоит в скрытом (манипулятивном) принуждении тех, кто в них поверит к определённому социальному поведению* (причем, это имеет место далеко не только в марксизме).

Но действительность опровергает действенность подобных «законов» и прочих надуманных схем. «Фактическую сторону русской истории мы знаем очень плохо – в особенности плохо знают её профессора русской истории. Это происходит по той довольно ясной причине, что именно профессора русской истории рассматривали эту историю с точки зрения западноевропейских *шаблонов*. Оценка же русской истории с точки зрения этих шаблонов правильна в такой же степени, как если бы мы стали оценивать деятельность Менделеева с точки зрения его голосовых связок» (369, с.21—22), – писал И. Л. Солоневич. Он же указывает и на печальные результаты излишней доверчивости к литературным, философским, научным и прочим надуманным схемам, законам и шаблонам: «А. Розенберг по своему образованию был типичным русским интеллигентом... и русскую историческую литературу знал лучше, чем знаем мы с вами. Он сделал из нее те логически правильные выводы, которые и привели его на виселицу» (369, с.29) (речь идет здесь о вере Розенберга в неспособность русских к эффективному сопротивлению военной агрессии, сделанную на основании анализа поведения Печорина, Чатского, Платона Каратаева, Обломова и прочих подобных литературных персонажей, и его неспособности понять истинную логику поведения русских и российской истории).

В действительности, *смысл изучения и выявления законов состоит не в фатальном подчинении им и не в уничтожении иллюзии свободы*, как ошибочно полагал (или проповедовал) Б. Спиноза. Если бы это было так, «то мы тем более теряли бы свободу, чем более познавали и схватывали цепи причинностей. А на самом деле происходит... обратное: чем более мы познаём и охватываем цепи причинностей, тем более мы получаем возможности властво-

вать над ними, тем более возрастает и расширяется наша свобода, ибо «сколько кто знает – столько тот может» (88, с.53). То есть смысл изучения закономерностей заключается в свободе овладения ими, на что и нацелена подлинная наука (а не её полицейско-инквизиторский симулякр). «С того момента, как сознание начинает оценивать, ставить себе цели и их осуществлять, покидается почва материализма и начинает действовать тезис идеализма: «сознание определяет бытие», дух формирует материю» (88, с.61), – писал Б. П. Вышеславцев. То есть, *подчинённость социальным и даже природным законам есть следствие и признак пассивности и невежества*, отвергающего по выражению В. И. Ленина, «вздорную побасенку о свободе воли». В своём социальном аспекте **материализм распознаётся как идеология подчинённых, закономерно распространяемая вождями** во избежание выхода подчинённых из подчинения им и придуманным ими законам, которые маскируются то под «божественные установления», то под незываемые «законы природы» ради сокрытия их истинного авторства³⁷.

Исходя из этого, **социальные законы можно сравнить с правовыми нормами, действующими в обществе**, которые действительно существуют объективно, независимо от сознания членов общества, отражают существенные, необходимые связи между социальными явлениями, но при этом *устанавливаются самими людьми и действуют только в случае их устойчивого исполнения большинством членов общества*. Это означает, что тождественных естественнонаучным социальным законам не существует. Существуют лишь различные социальные тенденции, обусловленные целерациональной (идеорациональной, ценностнорациональной – М. Вебер) и хаотической социальной деятельностью индивидов и групп, влиянием на общество внешних факторов (природы, космоса, других обществ) и его собственной духовной и материальной культурой. В отличие от естественнонаучных законов, *социальные тенденции не имеют столь чёткой воспроизводимости и повторяемости, не дают возможности для точных прогнозов и предсказаний*. Выбор той или иной тенденции и её реализация обусловлены уровнем знаний, умений, активностью, целями и произволом (свободой воли) отдельных личностей и групп.

Духовно развитые и активные личности или группы получают в этой ситуации возможности самостоятельного формирования желательных им социальных тенденций, в частности, посредством захвата идеологической, политической и экономической власти, а **невежественные и инертные массы становятся жертвами и исполнителями созданных господствующими группами «социальных законов»**. Оказывается, даже «Маркс провозглашает, что... и Труд и Капитал – становятся не просто игрушками в руках объективной логики истории, но сознательными и самостоятельными ее субъектами, способными не только подчиняться необходимости, но и управлять важнейшими историческими процессами, предупреждать их, провоцировать, проектировать, утверждать свою автономную волю. Речь идет не об индивидуальном или групповом, но о *классовом субъекте*» (149-Т.1, с.21). Исходя из этого представления можно, например, разрешить давний спор о роли личности и народных масс в истории: чем выше их абсолютный и (или) относительный уровни развития и активности (и чем невежественнее и пассивнее их оппоненты), тем значительнее должна быть их роль в истории. Но это лишь тенденция, которая может осуществиться, а может и не осуществиться в силу возможного вмешательства различных иных, социальных и внесоциальных влияний, а не абсолютный и повторяющийся закон. *Множество развитых и активных личностей и групп никак не повлияли на историю, потому что их деятельность противоречила другим социальным или природным тенденциям*, или свободному выбору масс, например.

Столь же трудно прогнозируемыми из-за наличия у социальных деятелей свободы воли (помимо сложности социального организма) являются и результаты природных влияний на общество. Так, астрологические прогнозы часто не сбываются не потому, что астроло-

³⁷ См. подр.: Парабеллум А. 99 законов власти и лидерства. – М.: АСТ, 2016. – 320с.

гия в принципе является лженаукой (хотя астрологи могут быть коррумпированы, ошибаться и их методы могут быть несовершенны), и не потому, что исследуемые ими влияния слишком слабы – А. Л. Чижевский доказал обратное (См. 449), *а, прежде всего, потому, что реакции свободно волящего социального деятеля могут быть и, скорее всего, будут разными при сходных космических влияниях*. С другой стороны, многие древние общества тщательно ориентировались в своей деятельности на природно-космические ритмы не только потому, что по сравнению с современной цивилизацией якобы больше зависели от природы, а потому, что пытались так использовать природу максимально эффективным для себя образом, «поймать нужную волну», не разрушая её. Мировоззрение и сознание этих обществ также существенно отличалось от современного (точнее – техногенно-материалистического). В природе они видели циклы, имеющие начало и конец; вписываясь в эти циклы, они получали возможность периодически уничтожать своё не нужное более прошлое, творить свою историю заново, становясь лучше. Это избавляло древних от подчинённости своему прошлому и вождям, что характерно для живущих в линейном времени наших современников, отмечал М. Элиаде (См. 479). Несложно догадаться, что и «социальные законы» были в древних обществах иными. И эти законы не ушли в прошлое и не исчезали: по ним и сегодня живут «коренные народы Земли» (Друнвало Мельхиседек)³⁸.

Против наличия социальных законов выдвигалось также следующее возражение: «Иногда говорят, что история повторяется. На наш взгляд это в корне ошибочное мнение, ибо в мире нет ни двух людей, ни двух событий, которые были бы абсолютно идентичны» (101-№7, с.181), ибо, в таком случае, они попросту сливались бы в одно событие, или человека. «Повторяемость идентичных возможностей включает в себе некое противоречие, а именно идею об ограниченности всеобщей и универсальной возможности... Существует также прямо противоположное, хотя и не менее ошибочное мнение, согласно которому все исторические факты рассматриваются как не имеющие ничего общего и абсолютно не схожие между собой. *Истина как обычно находится где-то посередине: всегда есть сходство в одном отношении и отличие в другом*» (101-№7, с.181). Процитированный автор (Рене Генон) не отрицает наличия универсальных законов, проявляющихся в различных обстоятельствах в природе и обществе, но не отстаивает и наличие неких особых социальных законов. Тем не менее, *отсутствие буквальной повторяемости социальных явлений опровергает идею социальных законов, постулирующую чёткую повторяемость и воспроизводимость идентичных событий*. Это не означает, однако, что не следует изучать и формулировать различные социальные «законы» (См. напр. 332), но относиться к действительности этих «законов» следует исходя из вышеизложенной ограниченности их действия. *Для активно мыслящих и действующих личностей и социальных групп любой социальный «закон» может оказаться фикцией*.

Как можно вывести из приведённых примеров, *методологический отказ от детерминистско-материалистической системы объяснения социальных явлений имеет значительную эвристическую ценность*, позволяя объяснить необъяснимое детерминизмом и снять его противоречия. Проясняется и методологическая несостоятельность материалистического детерминизма в исследовании социальных ограничений. Действительно, *если сознание есть лишь отражение одной материи в другой материи, то оно не может ни осознавать, ни исследовать отражаемого, также как зеркало не исследует отражённого в нём*. С точки зрения детерминизма социальные ограничения – это некая данность, пассивно воспроизводимая сознанием, а потому неизменяемая и не исследуемая. Если сознание есть отражение социальных ограничений, то оно само, следовательно, социально ограничено, само есть то, что подлежит осмыслению и изучению. Такое сознание можно сравнить со слепым исследующим слепоту, однако, чтобы понять и оценить нечто, надо видеть и его альтернативы, или хотя бы умозрительно

³⁸ См. напр.: Мельхиседек Друнвало Майянский Уроборос. – М.: София, 2013. – 192с.

представлять их в воображении. Индетерминистский подход к проблеме ограничений позволяет это сделать.

Возвращаясь к вопросу *о наличии законов социальных ограничений, можно считать, что таковых как частного проявления социальных законов не существует.* Принципы неопределённости и дополнительности, статистической вероятности вошли в настоящее время даже в естественные науки (См. 99, 153). Поэтому «категория случайности, лишь статистически выразимая в кривых вероятности, лучше соответствует духу современной физики, чем прежние концепции железных законов природы. Случайность же, понятая в метафизическом смысле, есть псевдоним свободы» (233, с.210—211). Таким образом, *следует вести речь лишь о социально-ограничительных тенденциях*, которые по причине их необязательности могут при желании сниматься.

Социальные тенденции, частным случаем которых являются *социально-ограничительные тенденции можно определить как направления развития социальных процессов и явлений, определяющихся социальными и природными условиями и свободой выбора социального деятеля.* Свобода выбора социального деятеля во многом обусловлена его выраженными в языке ценностно-целевыми установками и психофизиологическими особенностями, но полностью, однако, не предсказуема.

Социальные ограничения могут исследоваться эмпирически для выявления их тенденций, однако прежде чем приступать к подобным исследованиям, которые, безусловно, нужны и полезны, следует определиться с исследуемым явлением, выявить само его наличие и отделить от других, ибо, прежде чем исследовать что-либо, желательно убедиться в том, что оно есть. Нельзя исследовать и найти неизвестно где неизвестно что. Необходимо, хотя бы приблизительно представлять себе объект поиска и его местонахождение, а также методы его поиска. *Попытке решения этой проблемы и посвящена данная работа, что обуславливает её не эмпирическо-социологический, а теоретическо-философский ракурс.*

Определив (в рабочем порядке) социальные ограничения как системную совокупность явных и неявных социокультурных правил и норм, моделей поведения, стереотипов мышления, средств, способов и результатов самовыражения людей, которым они сознательно или бессознательно, подчиняются и за пределы которых они не могут, или не хотят выходить даже в случае необходимости³⁹, мы имплицитно уже предполагаем бытие социальных ограничений как некой системы.

Если социальные ограничения представляют собой систему, то для их изучения логичным и целесообразным будет применение метода системного анализа (См. 1, 55, 339, 404, 448). Системный анализ явился закономерным итогом развития *диалектики как учения о всеобщих взаимосвязях и развитии мировых явлений и процессов.* Пройдя путь от Гераклита и Платона до Гегеля, К. Маркса, русской философии и синергетики диалектический метод познания мира нашёл своё естественное выражение в системной методологии. Системный подход в различных своих вариантах проявлялся в учениях очень разных мыслителей: от философии всеединства В. С. Соловьёва до тектологии А. А. Богданова и от органицизма Н. О. Лосского до биокосмической культурфилософии О. Шпенглера. Н. О. Лосский своё понимание системности выразил так: «Органическое и неорганическое миропонимание вот главные противоположности, разделяющие представителей различных философских учений о мире... Встретившись с сложным целым, которое можно разделить или в котором можно различить части А, В, С, D сторонник неорганического миропонимания стремится понять его как составленное из элементов А, В, С, D считая их способными существовать самостоятельно, совершенно независимо друг от друга, и от целого, в котором они найдены... Сторонник органического мировоззрения понимает всякую множественность и целость, прямо противоположным способом. Первона-

³⁹ Более точное определение приведено в предисловии и первом параграфе.

чально существует целое, и *элементы* способны существовать и возникать *только в системе целого*. Поэтому нельзя объяснить мир как результат прикладывания А к В, к С и т.д.: множественность не образует целого, а, наоборот, порождается из единого целого» (254, с.340—341). Действительно, *из неорганического, несистемного подхода объяснить социальные ограничения будет затруднительно*, так как отдельные социальные ограничения будут представлять собой лишь легко обходимые фрагменты границы. *Социальные ограничения, понимаемые атомистически и номиналистически, в духе Демокрита («существуют только атомы и пустота»), не будут ограничениями в подлинном смысле, ибо существующее между ними «пустое пространство» уничтожает непроницаемость границ*. Поэтому понимание социальных ограничений как действительно существующего и ограничивающего явления побуждает нас рассматривать их именно как систему, то есть «взаимодействующую совокупность компонентов, связей и отношений, объединённых единой функцией» (162, с.7). Бытие любой системы в свою очередь определяется в основном тремя факторами: влиянием внешних по отношению к ней явлений и объектов – *среды, заложенной в систему программой* (концепцией) развития, которая может быть и плодом самостоятельного творчества системы и её *самоуправлением*, как проявлением её свободы выбора. Влияние среды является для системы материально детерминирующим, влияние её программы – целерационально (идеально) детерминирующим, а самоуправление является фактором свободы, преодолевающим детерминизм и присущим далеко не всем системам, а только высокоразвитым. Отсюда следует, что *для понимания системы социальных ограничений необходимо выявить, прежде всего, их программу функционирования, а значит и их цели и ценности*, которые и являются их главными сущностными атрибутами. «Программа функционирования» социальных ограничений закономерно определяет их структурно-функциональные особенности, которые, по сути, являются её материализацией, воплощением. Эта программа определяет и общий характер «самоуправления» или синергетической самоорганизации системы, если, конечно, не рассматривать её в качестве самостоятельного духовного существа. Однако в данном случае, речь следует вести, скорее о хозяевах этой системы, осуществляющих её управление, хотя и сама система логикой своей самоорганизации и развития может подталкивать даже её хозяев, а не только свои структурные элементы к определённым действиям. *Системное единство социальных ограничений, очевидно, задаётся следующей из их определения социально ограничительной функцией*, сущность которой будет разобрана ниже.

В процессе выявления и описания сущностных атрибутов и базовых форм социальных ограничений любой исследователь неизбежно столкнётся с рядом трудностей. Одна из них заключается в отсутствии полной подробной истории социальных ограничений, или, точнее, *истории написанной в ракурсе видения и понимания социальных ограничений, изменения их структуры и динамики*⁴⁰. Конечно, отдельные и важные исследования в этой области есть. В частности, значительный вклад в исследование истории социальных ограничений внёс М. Фуко, такими своими работами как «Археология гуманитарного знания», «История безумия в классическую эпоху», «Надзирать и наказывать» (См. 424—426) и др. Следует также выделить соответствующие исследования Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, М. Вебера, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Г. Дебора, Ж. Деррида, К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. Маркузе, П. А. Сорокина, М. Хоркхаймера и Т. Адорно; многочисленные социально-критические исследования различных авторов от Р. Генона до В. И. Ленина, и от Б. Спинозы до Э. Канетти и С. Г. Карамурзы.

Как видно, отдельных, разрозненных исследований истории социальных ограничений много, но *общей истории развития социальных ограничений нет* (и не могло быть), именно

⁴⁰ Сегодня история представляет собой в основном описание войн и конфликтов, являясь зомбокодированием на их дальнейшее воспроизводство.

в силу не осмысленности феномена социальных ограничений. Поэтому в данной работе делается попытка осмысления феномена социальных ограничений, а не написания его истории.

Одна из сложностей в описании системы социальных ограничений заключается в проблеме соответствия представленной модели реально существующим обществам и их социальным ограничениям. Именно этого у многих авторов описывающих частные аспекты социальных ограничений не наблюдается из-за плохого знания фактологии, неспособности адекватно соотнести абстрактное и конкретное, идеологической, политической и экономической ангажированности, наконец, из-за сознательного манипулятивного подхода к описываемым явлениям и по другим причинам. В общем, мы сталкиваемся в данном случае с опасностью и соблазном мифологизации социальных ограничений. Рассмотрим некоторые примеры этого явления.

Б. П. Вышеславцев выделил в этой связи довольно распространённую методологическую ошибку. «Каждый исследователь⁴¹ и мыслитель, которому открывается новый закон или новая категория бытия, имеет неискоренимое стремление объяснить из этого открытия всё бытие. Таковую тенденцию к абсолютизации отдельных моментов, присутствующих в общей системе бытия мы встречаем на каждом шагу в истории философии и науки... Ту же самую ошибку мы встречаем у Маркса и Энгельса: Маркс заметил зависимость духовных функций от функций хозяйства, ... которая часто игнорировалась ложным спиритуализмом, и тотчас провозгласил хозяйство единственным достаточным основанием культуры и истории» (88, с.138—139). То есть в марксизме (и, к сожалению, не только в нём), мы видим мифологизирующую абсолютизацию социально ограничительной зависимости людей от техники (средств производства) и экономического «базиса», при игнорировании зависимости самой техники и экономики от культуры – права, науки и т. п. Одним из парадоксов марксизма стало то, что, говоря о социальном освобождении хотя бы и одного класса, это социоцентричное учение одновременно постулировало и создало жёсткую социальную ограниченность человека, его детерминированность и подчинённость технике, экономике, общественному сознанию, «социальным законам», обосновывало социальную замкнутость посредством атеизма и антиэкологизма. Складывается впечатление, что марксизм изначально конструировался так, чтобы в обозримой исторической перспективе завести в тупик и нейтрализовать освободительные идеалы и потребности широких трудящихся масс, вернув их после заведомо провальных «социалистических экспериментов» на «магистральный путь» глобальной рабовладельческой системы. И это было замечено проницательными мыслителями, например, Н. А. Бердяевым, предсказавшим за несколько десятилетий до его реализации, крах советского строя, которому так и не удалось выскочить из марксистской идеологической ловушки. Сходную историю мы видим и в случае фашизма, который Б. Муссолини назвал хорошей, но плохо реализованной идеей и в истории многих других религиозных и политических движений и проектов. Поэтому, разумным людям надо различать такие политико-идеологические «капканные» прожекты...

Поэтому, марксизм стал не только методологией исследования социальных ограничений, сколько идеологией их создания и углубления. К сожалению, это родовая черта любой идеологии, как искажающей реальность мировоззренческой системы, направленной на реализацию паразитических социальных и политических интересов одних групп за счёт других. «Сам марксизм создал „троянского коня“, в чреве которого ввозились идеи, разрушающие общество, принявшее марксизм в качестве идеологии» (189, с.163), – писал С. Г. Кара-Мурза. В случае марксизма мы имеем целый комплекс методологических недостатков: это и незнание (сознательное?) исторической фактологии развития неевропейских обществ, приведшее к вульгарному евроцентризму, и расхождение абстрактного и конкретного, и ангажированность, и манипулятивность. Популярность же этой и многих других идеологий способна лишь

⁴¹ Не каждый, но отсутствие такой убежденности мешало популяризации своей идеи.

вызвать подозрение в их истинности, ибо, как говорил Биант Приенский, «худших везде большинство», а Пифагор добавлял: «По торной дороге не ходи».

Однако «закулисные кукловоды», похоже, учли возможное разочарование масс в манипулятивных идеологиях и ввели в Конституцию РФ 1993 г. ст. 13, содержащую запрет на какую-нибудь государственную или общеобязательную идеологию. Таким образом, идеология в постсоветской России как бы вообще исчезла с сознательного уровня, а программирование поведения масс стало осуществляться в обход законодательства, на подсознательном уровне и через создание условий и ситуаций жизни, принуждающих людей «как бы» добровольно вести себя нужным для властей образом. По сути, это стало управлением через манипулирование системой социальных ограничений.

Г. Маркузе внёс значительный вклад в исследование и описание социальных ограничений, творчески развил марксизм, устранив из него ряд недостатков (в частности, его технократическую доминанту), однако не избежал мифологизации социальных ограничений. «Случай Маркузе представляет собой любопытный пример того, каким образом в наши дни складывается миф... Сила мифа Маркузе состоит в том, что он сумел придать определённую форму смутному позыву к бунту, заставив многих „бунтовщиков“, лишённых принципов, поверить в то, что они нашли в нём своего философа» (475, с.266—267), – писал Ю. Эвола. Мифологизация социальных ограничений выражается у Г. Маркузе через абсолютизацию их репрессивного характера по отношению к биологическим потребностям человека. Как отмечал Ю. Эвола, он не замечает и не признаёт значения героико-аскетической сублимации, которую могут дать эти ограничения, а, выступая против техники и технократии, не хочет соглашаться на аскетизм, которого требует отказ от неё. Занижение и биологизация объекта социальных ограничений в соответствии с фрейдистской интерпретацией человека помешала Г. Маркузе понять и использовать социальные ограничения как инструмент для сублимации низших энергий и духовного развития личности. А разжигание биологических и потребительских притязаний, как подосновы протеста против «репрессивного общества» лишь укрепляет одну из основ его идеологии – культ потребления и экономического благополучия. В результате, «любой бунт, лишённый высших принципов... роковым образом ведёт лишь к подъёму сил ещё более низкого уровня» (475, с.272), чем те, против которых он направлен⁴².

Более новый пример мифологизации социальных ограничений можно найти в работах Д. Белла (См. 35,495). Его вклад в исследование социальных ограничений менее значим, чем вклад К. Маркса и Г. Маркузе, однако и в его работах содержится социологический материал, показывающий структуру социальных ограничений в современном обществе, который будет рассмотрен ниже. *Будучи активным идеологом-технократом, Д. Белл считает культуру вредным явлением.* «Эта... возможность называется «технократией». Некоторые её апологеты, в частности, Даниэлл Белл, уже сегодня открыто заявляют, что культура является препятствием технологического развития» (153, с.365), – писал А. Г. Дугин. «С победой модернизма современная культура стала антиинституциональной и антиномичной. Немногие авторы «защищают» общество или институты от «властвующего я» (35, с.649), – писал Д. Белл, имплицитно полемизируя с мыслителями типа Г. Маркузе. В принципе *из идей Д. Белла следует вывод, что культуру следует ликвидировать*⁴³, так как она мешает тоталитарному всевластию экономикоцентричной технократии. При этом Д. Белл, в лучшем случае, не понимает, что наука и техника тоже являются частью культуры и даже следствием её нетехнических и ненаучных фрагментов. Это показал, в частности, М. Вебер в своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» (См. 71), которую Д. Белл должен был знать. *Для Д. Белла же культура предстаёт как подлежащая ликвидации форма подрыва социальных огра-*

⁴² О «правильном восстании» см: Эвола Ю. Восстание против современного мира. – М.: Тотенбург, 2016. – 473с.

⁴³ Этим занимаются реформаторы образования в РФ с 2013г.

ничений современного технократического общества, сфера, где эти социальные ограничения снимаются. Возможно, ликвидации подлежит не вся культура, а лишь её определённая часть? Д. Белл намекает на это, но прямо не говорит.

Д. Белл наряду с З. Бжезинским и рядом других авторов выступил и в роли создателя и пропагандиста манипулятивного мифа о *деидеологизации* (реализованного после 1993 г. в РФ), как замене идеологического подхода к общественным явлениям техническим, а идеологии наукой. Однако подобно тому, как дух капитализма возник из протестантской этики, так и наука в понимании её Д. Беллом и З. Бжезинским возникла из вполне определённых метафизических и религиозных идей: «Иудаизм породил концепцию однонаправленного времени, ... истории в современном понимании этого термина. В этом состоит сущность иудаистической космологии, которая жестко и строго отрицает миф... Причём окончательно это было закреплено лишь в последних версиях Талмуда... Наиболее законченной формой доктринального корпуса, подытоживающего эти иудаистические тенденции, является учение Маймонида. Здесь десакрализация и рационализация Ветхозаветных сюжетов и религиозных практик доводится до своего логического предела» (148, с.460—461). Поэтому прав Н. Н. Калиневич писавший, что «любые попытки деидеологизировать общественную жизнь – это утопия, миф, а исключая идеологию из нашей жизни мы лишаем общество возможности иметь различные системы взглядов и идей⁴⁴, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности» (374, с.102). То есть *деидеологизация есть не замена и не ликвидация идеологии, а лишь её сокрытие от масс в целях понижения их интеллектуального уровня и укрепления их социальной ограниченности.*

Антикультурные установки Д. Белла изобличают в нём враждебного свободе, тоталитарно ориентированного апологета социальных ограничений, выступающего, однако, под совершенно иными масками и вывесками. Социальная ограниченность этого исследователя проявляется в ошибочности его концепции постиндустриального общества. Д. Белл определяет постиндустриальное общество (См. 35) как основанное на высоких технологиях и стоящее на 4-й ступени технологической лестницы обществ, однако он упускает из виду, что высокие технологии являются лишь надстройкой сельского хозяйства (1-я ступень) и индустрии (2-3-я ступени его технологической лестницы). В результате целое (общество) определяется через фрагмент (4-я ступень), его фрагмента (технико-экономического уклада). Подобный *фрагментирующий редукционизм*, являющийся методологической ошибкой (или сознательной полицейско-инквизиторской методологией), только отдаляет нас от понимания общества и его социальных ограничений.

В качестве последнего примера мифологизации социальных ограничений, перечень которых можно продолжать очень и очень долго, рассмотрим проявление этого феномена у одного из современных российских исследователей. В своей монографии «Человек в зеркале социального хаоса» (54) Л. Е. Бляхер рассматривает различные картины мира. 1. *Физическую*, которая господствовала в философии и науке Нового времени (именно на этой *картине мира* базируются политические институты господствующей сегодня в мире либерально-демократической модели), сводящую все явления, в том числе и социальные, до рационально-механических схем. 2. *Биологическую* (Гегель, Маркс, Фрейд), где мир рассматривается по аналогии с биологическим живым организмом. После справедливой критики этих двух видов редукционизма, Л. Е. Бляхер предлагает свою, социальную картину мира. «В социальной картине мира общественные явления не сводятся ни к физикалистским, ни к организмическим представлениям, а, напротив, обуславливают специфику человеческого познания во всякой, в том числе естественнонаучной сфере... В такой парадигме отпадает жёсткое противопоставление субъектного и объектного, первичного и вторичного. В этой картине мира человеку возвра-

⁴⁴ Именно это и делает Конституция РФ 1993г.

щаются функции творца своей реальности» (54, с.21), – пишет автор. Я не буду повторять здесь критику «картинно-мирного взгляда» на реальность со стороны М. Хайдеггера (См. 428), отмечу лишь, что мир не тождественен «картине мира». Обратим внимание на другое: отказываясь от одних видов редукционизма, автор, по сути, приходит к другому, социоцентристскому редукционизму. С другой стороны, мысль о творении своей реальности человеком заставляет вспомнить о субъективном идеализме Д. Беркли и Д. Юма (См. 485). На мой взгляд, *человек попадает в уже сотворённую другими реальность – и природную и социальную, а потому в известной мере ограничен в творчестве этой реальности*, хотя и имеет опять же ограниченную свободу воли. По мнению М. Шелера, человек не творит свою реальность, а его дух, воля лишь направляют витальные силы материального мира в ту или другую сторону, будучи не в силах их подавить. Кстати, М. Шелер отмечал, что именно старческая деградация ведёт к нецелостному, суммативному мировоззрению, которое можно увидеть и в теориях хаоса. «Точно также, как телесный организм в процессе жизни всё больше порождает относительный механизм, – пока, наконец, умирая не погружается в него целиком» (338, с.44).

Если же каждый человек сам станет творить свою реальность по своему индивидуализированному произволу, то мы получим в результате тот самый социальный хаос, который описывает Л. Е. Бляхер. В подобном хаосе видимо всё возможно: и то, что представления человека социально обусловлены, и то, что при этом он сам творит *свою (а не чужую по внедренной в него программе)* реальность. При этом хаос почему-то не мешает издавать подобные исследования, хотя, судя по всему, в известной мере провоцируется ими.

На политические и экономические предпосылки возникновения социального хаоса указывал С. Ю. Глазьев: «...в ядре мировой капиталистической системы царит порядок, здесь все основано на принципах плановости. А вот на периферии господствует хаос, который выдается за „свободный рынок“. На самом деле за ультралиберальной идеологией, оправдывающей его, скрываются международные финансовые спекуляции, взрывающие национальные денежные системы с тем, чтобы устранить государственные барьеры на пути транснациональных корпораций» (108, с.74). За прошедшие с момента публикации данной работы Глазьева 15 лет описываемая им ситуация ничуть не улучшилась, а только усугубилась.

Может быть, вообще имеет смысл более скептически относиться к исследованиям хаососложности? «Обманом было назвать предмет хаосом» (439, с.362), сказал Д. Хоргану один из ведущих исследователей хаососложности М. Фейгенбаум, прекративший исследования хаоса в 1989г. По заключению Д. Хоргана, теория хаоса вовсе не является объяснением всего, а её популярность во многом объясняется периодом социальной нестабильности в мире, с которым совпало её появление. Но такие периоды часто бывали и в прошлом, порождая апокалиптические настроения. По мнению Д. Хоргана, исследователи хаососложности «не сказали нам ничего о мире, который является конкретным и истинно удивительным – в отрицательном или в положительном смысле» (439, с.362). Тем не менее, и политики и метафизики не прекращают исследовать и практиковать «магию хаоса»⁴⁵, что мы видим сегодня на Украине, Сирии и многих других местах.

На мой взгляд, *в обществе действуют одновременно разные виды связей: 1. физикалистско-механистические* – в техносфере, в физических телах, функционировании правовых норм, 2. *биологические* – в семейно-родственных отношениях, 3. *социальные* – в сфере культурного творчества. Переход же от одного редукционизма к другому является не развитием, а, зачастую злонамеренным, хождением по кругу социальной ограниченности – от одной ошибки к другой.

⁴⁵ См.: Хайн Ф. Магия Хаоса: Теория и практика. – М.: София, 2013. – 256с.

«Завершённой системы метафизики у нас нет только потому, что всякое⁴⁶ великое открытие, как бы оно не было гениально, содержит в себе, кроме истины, какую-либо долю лжи, и эта ложь обрекает его на односторонность, исключительность, препятствует объединению его с другими открытиями в цельную, непротиворечивую систему философского мировоззрения» (254, с.339), – печально констатировал Н. О. Лосский. Более грубые и вульгарные примеры мифологизации и извращений в понимании социальных ограничений можно найти в литературе посвящённой манипуляции сознанием (См. 131, 157, 158, 178, 189, 191, 242, 245, 246, 278, 484). Более новый материал есть в работах С. Савицкой, А. П. Девятова, П. Кори и других авторов⁴⁷.

Во избежание ошибки мифологизации социальных ограничений и расхождения модели с реальностью, модель системы социальных ограничений следует строить, прежде всего, как исследовательский инструмент, форму организации мышления и опыта, а не отражающую копию какого-нибудь общества.

При рассмотрении системы социальных ограничений необходимо также *учесть диалектику её статических, относительно постоянных и динамических, изменяющихся и развивающихся характеристик*. Поэтому *следует выявить и описать как статические, так и динамические характеристики социальных ограничений*, учитывая также и различие систем социальных ограничений в разных обществах.

Попробуем для начала выявить и описать *статические, относительно неизменные свойства системы социальных ограничений*.

Таким свойством является её ***неизменная социально-ограничительная функция***, которой подчинена программа функционирования этой системы и которая составляет ядро её целей и ценностей, которые в свою очередь, определяют её структурно-функциональные особенности и базовые формы. Самоуправление и самоорганизация этой системы призваны корректировать случайные внутрисистемные сбои и приспосабливать систему к изменчивым влияниям внешней среды.

Следует отметить, что подробное, *полное и целостное описание концептуальной программы функционирования системы социальных ограничений в принципе стало бы описанием её практики*. Такое описание, однако, вряд ли возможно и поэтому здесь приводиться не будет. Попытки описания практики социальных ограничений можно найти в многочисленной историко-социологической литературе социально-критической ориентации (См. 20, 137, 212, 266, 270, 423—425). Более того, попытка подобного описания сделала бы нашу модель замкнутой и ограниченной, а потому не соответствующей реальности. При описании социальных ограничений, напротив, важно сохранить принцип открытости и дополненности, позволяющий другим дополнять и развивать эту модель, делая её не статичной, а динамичной.

Поэтому в данном случае важнее будет описать не частности, а выявить ядро, системообразующие факторы социальных ограничений, их основные функции, общие цели и ценности этой системы, так как социальные ограничения существуют в любом обществе.

Прежде всего, *следует обратить внимание на диалектическую двойственность социальных ограничений, заключающуюся в том, что каждое социальное ограничение соответствует какой-нибудь социальной свободе*. Это всегда следует иметь в виду при рассмотрении и оценке тех или иных социальных ограничений. Это означает, что ***любой системе социальных ограничений зеркально соответствует и система социальных свобод, или точнее система социальных возможностей***. Систему социальных ограничений можно также соотнести с системой социальных обязанностей, а взаимосвязанную с ней

⁴⁶ Не всякое, скорее оно содержит в себе долю неполноты, кажущейся, на первый взгляд, ложью.

⁴⁷ Савицкая С. Славянский выбор. Методики славянских шифров. В 2-х т. – М.: Белые альвы, 2017., Савин Л. В. Новые способы ведения войны: Как Америка строит империю. – СПб.: Питер Пресс, 2016. – 352с.

систему социальных возможностей (свобод) – с системой социальных прав. Вместе обе системы представляют собой диалектическое единство системы правообязанностей. Понятие «правообязанность» использовали такие мыслители как Н. Н. Алексеев, К. Шмитт, О. Шпенглер. *Однако в современном либеральном мировоззрении, занимающем сегодня в различных своих версиях господствующее положение такого понятия нет, существует лишь понятие прав, что выражается в соответствующей юридической терминологии: гражданское право, уголовное право, римское право и т. п.* Свобода в этой идеологии рассматривается в своём негативном ракурсе, как свобода от чего-либо, а не свобода для чего-либо (См. подр. 168). Подобное понимание свободы приводит иногда к парадоксам. «Немало советских людей повидали мы за границей – студентов, военных, эмигрантов новой формации. Почти ни у кого мы не замечали тоски по свободе, радости дышать ею» (297, с.439), – писал Г. П. Федотов. Более того, один из этих советских людей сказал Г. П. Федотову, что никакой свободы он на Западе не чувствует, так как там *нет свободы действий, свободы переделки мира* (речь шла о Франции 1930-х гг.). То есть в западной социальной системе, по его мнению, преобладала негативная свобода бездействия.

Однако социальная система не может держаться исключительно на «правах»; если же понимание соотносимых с ними обязанностей в идеологии и праве чётко не обозначено, затемнено и скрыто, *то эти обязанности приходится навязывать в обход сознания*, то есть, по сути, манипулятивно. Рассмотрим, как это происходит. Так, в американском сборнике «Критика чистой толерантности» анализируется это «модное» сегодня понятие. Р. Вольф отмечает, что толерантность является ключевой идеей современной плюралистической демократии, подобно тому, как ключевой идеей монархии является верность королю, военной диктатуры – честь, бюрократического режима – эффективность, традиционной либеральной демократии – равенство, социалистической демократии – братство, а национальной демократии – патриотизм (См. 492, р. 4). Сама же *толерантность нужна, по его мнению, для уменьшения критики и сокрытия неприглядной политической действительности* (492, р. VIII). Г. Маркузе углубляет критику толерантности, которая для него носит социально ограничительный, репрессивный характер. «Люди... терпят правительство, которое в свою очередь терпит оппозицию в рамках, определённых властями» (492, р. 83), – пишет Г. Маркузе. *Выигрывает от подобной терпимости естественно власть, далёкая от правды, хотя «цель толерантности есть правда»* (492, р. 90). Эти авторы показывают, что *толерантность, вопреки господствующей на Западе философии прав, является не правом, а обязанностью* причём зачастую репрессивной. Однако следует понимать, что обязанности быть толерантным, соответствует какое-то социальное право. Это право на безопасность и покой. Очевидно, что нетерпимый человек («партизан» Г. Маркузе или К. Шмитта) представляет в зависимости от степени своей нетерпимости угрозу властям, окружающим и самому себе, поэтому *ограничительной обязанности быть толерантным соответствует освобождающее право на безопасность*. Поэтому призыв Г. Маркузе к «партизанщине» отнюдь *не увеличивает социальную свободу человека, а лишь изменяет её структуру*. Свобода от «репрессивной толерантности» оборачивается утратой прав своей безопасности. При этом от толерантности выигрывают, прежде всего, наиболее привилегированные группы, прямо пропорционально мере своих привилегий – финансовых, статусно-должностных и прочих, те, кому наиболее выгодно сохранение «статуса кво». Для угнетённых социальных групп, которым «нечего терять, кроме своих цепей» толерантность напротив, зачастую носит вынужденный характер, подкреплённый военно-техническими, административными, идеологическими, правовыми и финансовыми возможностями господствующих групп. *Толерантность, таким образом, оказывается, прежде всего, этическим достоинством подчинённых, вынужденных терпеть управление со стороны господствующих групп, реализующих посредством толерантности свою безопасность и социальную свободу.* Однако избыточная толерантность представляет для любого человека (общества) угрозу, так как ослабляет

его иммунитет ко всему вредному и опасному для него, являясь прямым аналогом известного СПИДа.

Этот пример наглядно демонстрирует диалектику социальных ограничений и свобод. Толерантность к чужому мнению и действию соответствует нетерпимости к социальной опасности, которую можно назвать и трусостью. Поэтому *главное, системообразующее социальное ограничение тесно связано в каждой социальной системе с её основной свободой*. Так как социальные системы различны, то важнейшие социальные ограничения и свободы в них будут различными. Например, если основополагающей социальной свободой считается право на владение частной собственностью, то важнейшим социальным ограничением становится её неприкосновенность, приобретающая статус «священной неприкосновенности». Если же главной ценностью в обществе признаётся свобода от эксплуатации человека человеком, то социальному ограничению подвергается право владения частной собственностью, создающее предпосылки подобной эксплуатации (частную собственность не следует здесь путать с личной, которая в отличие от частной, не даёт возможности безбедно жить, не работая по найму и не пользуясь социальной поддержкой государства и общества). *Остальные, второстепенные социальные ограничения и свободы выстраиваются в соответствии с главными ограничениями, для их успешного функционирования и устранения возможных помех*. Например, для реализации социальной свободы эксплуатации человека человеком более подходит не прогрессивная сетка налогообложения, а единый и равный для всех социальный налог (как в современной РФ). Для реализации противоположной социальной свободы, напротив более подходит прогрессивная система налогообложения.

В случае принудительно навязанного нам регрессивного развития общества, его движения в сторону авторитаризма и тоталитаризма в него внедряется «консервативная система ценностей», в которой различные социальные ограничения начинают приобретать *культульный, самодовлеющий характер*. В этом обществе происходит системное, всестороннее сжатие всех его основных параметров и показателей, которое является, по А. В. Кашанскому⁴⁸, прямой дорогой к возрождению тоталитаризма в стране, происходит усиление социальной ограниченности основной массы населения практически по всем параметрам⁴⁹. Среди гипнотической части населения распространяются мемы враждебности к свободе, шовинизма, милитаризма, ксенофобии, агрессивности к знаниям и его носителям и прочие программы интеллектуальной и духовной редукции и деградации (культы мертвых тел, камней, надгробий, зимы, морозов, льда и т. п. символов деградации и смерти). При этом объективных причин для такого деградационного тренда нет: Солнце светит по-прежнему, растения растут, потоков и прочих катаклизмов не наблюдается. В результате складывается впечатление о некой коллективной психопатологии...

Подводя итоги данного раздела, целесообразно будет тезисно выделить его основные идеи и выводы, нашедшие своё выражение в обоих параграфах. Итак, в данном разделе *выявлен категориальный статус понятия «социальные ограничения»*, дано соотнесение его с философской категорией «необходимость», сформулировано определение понятия «социальные ограничения», проведена граница социального и не социального, *причём системообразующим фактором социальности признан язык и его производное – речь*, определены субъект и объект социальных ограничений, разобрана проблема возможности существования социальных законов и, в частности, законов социальных ограничений и *сделан вывод об их отсутствии*. Разобран вопрос о социальных тенденциях, замещающих социальные законы, показана несостоятельность материалистического детерминизма в социальных исследованиях и *выдвинут*

⁴⁸ См. подр.: Кашанский А. В. Россия 2015—2044. Путь к Белому царству. – М.: АСТ, 2006. – 174с.

⁴⁹ См. подр.: Михайлов В. В. Тоталитарное государство и его социокультурная политика в области физической культуры. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. – 292с. (Предисловие).

тезис о методологическом преимуществе позиции свободы и индетерминизма при исследовании социальных ограничений. Категория идеального, с которой соотносятся такие понятия как свобода, дух, душа, личность рассматривается в данной работе в качестве управляющего фактора по отношению к материальному миру в соответствии с представлениями Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, Н. О. Лосского, С. А. Левицкого, М. Шелера (См. 457). Обоснован приоритет социально-философского, теоретического исследования проблемы социальных ограничений над эмпирическим, социологическим подходом к ней. Обоснован системный подход к исследованию социальных ограничений, разобраны примеры мифологизации и некоторые методологические ошибки исследования социальных ограничений. Показана диалектическая взаимосвязь социальных ограничений и свобод.

Данный теоретико-методологический фундамент создаёт возможность для перехода к структурно-функциональному описанию и анализу социальных ограничений.

Глава 2. Структура, особенности, формы и динамика развития социальных ограничений

2.1. Базовые формы социальных ограничений

Для описания структуры социальных ограничений необходимо их выявить и классифицировать, а затем структурировать в соответствии с произведённой классификацией. Классификация социальных ограничений естественно может быть произведена на *различных* основаниях. *Одна из подобных систем* выявления и структурирования социальных ограничений и будет представлена в данном параграфе.

Так как выявить и классифицировать необходимо, прежде всего, не второстепенные, а главные, базовые формы социальных ограничений, то для решения этой задачи целесообразным будет использование некоторых общеизвестных парных философских категорий⁵⁰. В частности, социальные ограничения могут быть определены как объективные и субъективные, материальные и идеальные, качественные и количественные, внешние и внутренние, вещные и человеческие. Конечно, этот перечень категорий может быть существенно расширен и дополнен, однако, *в целях сохранения принципов открытости и дополнителности* в данной работе этими категориями можно ограничиться, ибо в данном случае *важен, прежде всего, сам методологический принцип их классификации и пример его применения*.

Наиболее важным, на мой взгляд, является подразделение социальных ограничений на *объективные и субъективные*. При этом, для их рассмотрения мы, естественно, встаем на третью по отношению к ним обоим позицию, в чем проявляется уже триалектика, а не диалектика. Объективные социальные ограничения можно определить как такие, которые предопределены независимыми от общества и его управляющей сферы факторами, то есть объективные социальные ограничения являются производным, результатом вне- и надсоциальных влияний. К внесоциальным факторам влияния на общество можно отнести его биологические, природно-климатические, геокосмические (энергоинформационные, физические, химические, механические) и прочие материальные детерминанты. Это – внешние, природно-космические, а для некоторых мыслителей и опосредованно трансцендентно-провиденциальные факторы влияния на социальную систему. Через них опосредованно проявляются и потусторонние, трансцендентные, божественные влияния на общество, поэтому многие мыслители, например, Платон и неоплатоники считали необходимым согласовывать социальные процессы с природно-космическими циклами и влияниями. Эти внесоциальные влияния, становящиеся причиной объективных, то есть относительно независимых от воли людей социальных ограничений исследованы достаточно полно и широко. Главной методологической ошибкой авторов этих исследований была лишь абсолютизация их результатов и попытки организовать на их основе социальную деятельность людей и сделать социальные прогнозы. Идея природно-географического детерминизма разрабатывалась, начиная с античности Гиппократом, Геродотом, Полибием. В Новое время этот подход был возрождён Ш. Монтескье. Получив своё развитие в работах Г. Бокля, Э. Реклю этот подход в XX веке стал основой геополитики, был реализован в работах Л. Н. Гумилёва и других евразийцев (См. 13, 120, 121, 290, 399). Для современной России в этой связи более актуальна работа А. П. Паршева «Почему Россия не Аме-

⁵⁰ При этом автору не следует приписывать веру в дуализм и дуалистическое мировоззрение. Любые явления полилектичны и многомерны. Парные категории – не более чем метод описания ограничений.

рика» (324). *Основной проблемой современного общества, в том числе и в России, является непонимание объективного характера природно-географических ограничений социальной жизнедеятельности и нежелание учитывать их в социальной практике, приводящее к социальным неудачам и техногенным катастрофам*, что показано, в частности, в работе А. П. Паршева. Также широко распространены вирусные программы агрессии по отношению к природе и попытки заменить её техносферой, являющиеся признаками неразумности человека и человечества.

«Вместо изучения общих реальных связей между землей и живущими на ней человеческими обществами общая теория государства занялась анализом нормативно-юридического и отчасти политического вопроса о том, как должно относиться государство к своей территории» (13, с.404), – иронично писал ещё раньше по этому поводу известный евразиец Н. Н. Алексеев.

Факторы биологического детерминизма общества, изученные биологией и смежными дисциплинами, получили своё выражение в работах социал-дарвинистов (Л. Вольтман, И. И. Мечников и др.), расологов (Г. Ф. К. Гюнтер, В. Б. Авдеев), социобиологов (К. Лоренц, Э. О. Уилсон), фрейдистов, биополитиков (А. Г. Зуб), философов жизни (А. Бергсон, О. Шпенглер, М. Шелер), антропологов (Д. Н. Анучин, В. А. Мошков, Б. Ф. Поршневу, Б. А. Диденко) и других авторов. В этих работах показано влияние биологических особенностей человека (и шире – природы) на его социальную жизнедеятельность, социальную структуру общества, произведён сравнительный анализ социального поведения людей с приматами, муравьями, пчёлами и многое другое. Многие из этих работ малоизвестны, другие замалчиваются по идеологическим и полицейско-инквизиторским мотивам, несмотря на их важность. «Борьба... с расизмом сыграла очень злую шутку с человечеством, оказав ему медвежью услугу. Несмотря на свою очевидную гуманистическую сущность, априорное признание людей единым видом застопорило научную мысль, поставило ей преграды... всякие сомнения в биологическом единстве человечества признавались расистскими и отметались с порога»⁵¹ (138, с.73—74), – писал Б. А. Диденко.

Влияние космических факторов на человечество признавалось Платоном, Порфирием, Птолемеем, И. Кеплером и помимо многочисленных астрологов исследовалось Х. Аргуэльсом, Л. Н. Гумилёвым, А. Л. Чижевским и многими другими авторами, которые убедительно доказали наличие этих влияний⁵² (См. напр. 23, 121, 449), которые однако продолжают упорно отрицаться агрессивными «борцами с лженаукой» и прочими «интеллектуальными полициями». Влияние этих факторов на социум подобно биологическим факторам, также преувеличивалось или замалчивалось. На наш взгляд, астрология как наука об энергоинформационных связях Космоса и Земли и влияния Космоса на Землю и её обитателей даёт прогнозы наиболее вероятного развития событий только исходя из отсутствия или заблокированности адекватной реакции человека на складывающуюся ситуацию. Если же свободная воля разумного субъекта прогнозирования не заблокирована, то дать точные прогнозы достаточно сложно. Они могут не сбыться, ибо, чем разумнее и свободнее субъект, тем менее предсказуемо его поведение. Поэтому грамотный астролог даёт не прогнозы и предсказания, а ведёт речь об условиях, в которые, скорее всего, попадет в будущем его клиент. Условия, определяемые влиянием Космоса и Земли – объективны, реакция же и поведение субъекта прогноза – субъективны. Только такое прогнозирование является корректным и в этическом, и в смысловом плане. *Когда же вместо прогнозирования условий и ситуаций прогнозируется конкретное поведение человека или, тем более, группы людей (без учета их персональных гороскопов и прочих индивидуальных особенностей), то подобная деятельность является не столько прогнозом, сколько попыткой*

⁵¹ Типичный пример подмены диалога агрессией у неразумных.

⁵² Семенко А. Иерархии циклов. – М.: ВегаПринт, 2015. – 415с.

языкового программирования чьего-то поведения. Даже попыткой превратить его в дистанционно-управляемый, но уже не Космосом, а прогнозистом робот-автомат.

Провиденциальные (божественные) влияния на общество рассматривались в разнообразных религиозно-философских построениях и концепциях, например, у Гегеля, где в роли подобного фактора выступает Мировой дух. Близкие идеи можно найти у Платона, Плотина, Августина Аврелия, в русской религиозной философии. Относительно этого влияния можно заметить следующее. Если рассматривать Бога как нечто всеобщее, то его влиянию можно приписать любое событие с неизвестной причиной. Например, к области божественных влияний могут быть приписаны низкочастотные циклические влияния космоса на Землю и человечество. То есть провиденциализм оказывается универсальным и безотказным псевдо объяснением всего иначе не объяснимого. С другой стороны, если признавать бесконечность процесса познания, то божественно-непознанное всегда будет оказывать какое-нибудь влияние, возможное как в форме неизвестных высших сил, сознательно управляющих миром, так и в форме бессознательной материи функционирующей по неким законам. Поэтому, *провиденциальное влияние, порождающее те или иные социальные ограничения можно обозначить в качестве некоего неизвестного X-фактора, неустранимого иррационального остатка, превосходящего любую научно-рациональную модель.* Отказываться от этого фактора нельзя, так как в этом случае построенная модель приобретёт закрытый, неизменный, недополняемый и, следовательно, неадекватный исследуемому явлению характер, так как движение (изменение) есть способ существования материи, в том числе и социальной. Впрочем, дух, душа, ум, знание, информация («идеальное») тоже обладают свойством и способностью изменения.

В каждом конкретном случае для выяснения объективности или субъективности характера конкретного социального ограничения необходимо установить его связь с внесоциальными влияниями, что может представлять проблему. Следует также учесть, что объективный характер социальных ограничений не означает их абсолютного детерминизма, так как внесоциальные влияния могут быть изменены в ходе сознательной (и бессознательной) деятельности людей. Болото может быть осушено, пустыня орошена, между морями прорыт канал, непознанное познано, непонятое – понято, что приведёт и к изменению соответствующих этому природному состоянию социальных ограничений.

Субъективные социальные ограничения, напротив, являются результатом свободного и произвольного волеизъявления и деятельности людей в обществе. Приведём пример. Х. Аргуэльес писал: «Поскольку 12-месячный календарь не созвучен с годовыми биоритмами человека, живущего в гармонии с биосферой, то и часы не имеют ничего общего с измерением ритмов природы. Их функция – измерение отрезков пространства, которые, в случае их проецирования на отрезки времени, обретают некую ценность в качестве денежных единиц. Действительно, деньги не растут на деревьях; они – плоды искаженного времени» (22, с.11). В данном случае, социальные ограничения, которые были бы основаны на годовых или иных биоритмах человека являлись бы объективными, а социальные ограничения, связанные с искусственным социальным временем и способами его членения являются субъективными. Как можно догадаться из данного примера, объективные социальные ограничения могут находиться как в гармонии, так и в конфликте с субъективными. Однако в экологически ориентированном обществе все социальные ограничения должны быть согласованы с природными влияниями на него, иначе гармония с биосферой невозможна. **В современном же обществе напротив, наблюдается гипертрофия субъективных социальных ограничений, не имеющих иной необходимости кроме мракобесно-волюнтарной, а потому зачастую излишних,** как в приведённом примере. **Современное общество, в отличие от древних биогенных цивилизаций можно назвать субъективно социально ограниченным.** Так как объективные социальные ограничения в таком обществе всё равно дают о себе знать, даже несмотря на конфликт с субъективными социальными ограничениями, то общая сумма социальных

ограничений оказывается как это ни парадоксально, большей, чем в древности. В результате, в современном мире проявляется тенденция к возрастанию социальной ограниченности, обусловленной, на наш взгляд, как правило, различными коллективными психозами и прочей психоментальной патологией (военная истерия, свободофобия, расизм, шовинизм, религиозный фанатизм, алкоголизм, наркомания, трудоголизм, природофобия и т.п.). Многие коллективные психопатологии прямо культивируются властью: например, А. Парабеллум советует начальникам развивать в подчиненных зависть, культивировать конкуренцию и т. п.⁵³. Не удивительно, что подобное «воспитание» дает свои «гнилые плоды».

Другой парной категорией социальных ограничений являются материальные и идеальные ограничения. Материальные социальные ограничения представляют собой артефакты материальной культуры, предметы, вещи и прочие творения человека, изготовленные из вещества и имеющие пространственное измерение и их производные, например, техногенные излучения, электромагнитные поля и т. п. Конечно, этим продуктам материальной культуры может придаваться и какой-то другой, в том числе и прямо противоположный социальным ограничениям смысл, тем не менее, в них всегда присутствует некий социально ограничительный потенциал. Этот потенциал может быть направлен не только внутрь социума, на человека, но и на природу, космос. Например, забор может мешать проходу не только людей, но и животных, мешать растениям; труднее оценить, как мешает природе, космосу, Земле ненужная техногенная активность современной цивилизации: электромагнитные излучения, мусор и отходы, радиоактивное загрязнение, вырубка лесов и т. п. Так как все материальные изделия и их производные состоят из добытого в природе вещества или результатов его вторичной переработки, то этот вид социальных ограничений тесно связан с объективными социальными ограничениями, является одним из их выражений. Однако материальную культуру нельзя полностью подвести под определённые выше объективные социальные ограничения, так как она часто является *результатом субъективной активности людей, не обусловленной прямо объективными влияниями среды*. «Географические и климатические условия могут помогать строительству, как они помогали Риму, и могут мешать строительству, как они мешают нам. Но эти условия не могут **ничего создать** и не могут **ничему помешать**. Из всех культурных стран мира Россия находится в наихудших географических и климатических условиях, – и это не помешало стройке Империи» (369, с.20—21), – писал И. Л. Солоневич. Зато это подводит к вопросу: какие социокультурные и психоментальные программы (установки) мешали и продолжает мешать русским жить в более благоприятных климатических условиях?

Идеальные социальные ограничения связаны с духовной культурой, идеальным как непространственным миром идей, ценностей, целей и планов, воображения и т. п. Идеальные социальные ограничения задают обществу его ценностно-целевую, программно-концептуальную детерминацию. *Идеальные социальные ограничения в большей степени соотносимы с категорией субъективных социальных ограничений*. Конечно, идеальные ограничения можно считать и объективными социальными ограничениями, обусловленными влиянием внешней материальной среды на сознание через механизм отражения им материального мира. Однако в природе *социальных* ограничений нет, а потому и отражать их из неё сознание человека не может. Именно поэтому в их формировании большую роль играет духовное и интеллектуальное творчество. Можно «объективизировать» идеальные социальные ограничения посредством апелляции к их провиденциальной детерминации, однако, согласившись считать провиденциальные влияния фактором всеобщей неизвестности, мы не можем ни положительно, ни отрицательно ответить на этот вопрос.

В качестве примера идеальных социальных ограничений можно привести нравственно-этические, правовые нормы, эстетические установки, планы, проекты, научные пара-

⁵³ Парабеллум А. 99 законов власти и лидерства. – М.: АСТ, 2016. – С.52, С.104.

дигмы и модели. Все они устанавливают правила «социальной игры», тем самым, задавая и её ограничения. «Всякая культура (даже материальная культура) есть культура духа; всякая культура имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями» (44, с.166), – утверждал Н. А. Бердяев, у которого *все* социальные ограничения оказываются идеальными.

В зависимости от общей мировоззренческой установки на идеализм или материализм в различных религиозных и философских системах отдавался приоритет материальным или идеальным социальным ограничениям. Наиболее ярко установка на приоритетность материальных социальных ограничений проявилась в марксизме и у современных технократов: Ж. Аттали, Д. Белла, З. Бжезинского, Дж. Гэлбрайта и других авторов. «Человеку свойственно признавать единственно реальным то, что он считает самым ценным и желанным... Таков источник материалистического мирозерцания: теоретический материализм опирается на практический материализм, а практический материализм выражает самочувствие эпохи: самое ценное – это произвести как можно больше продуктов и товаров. Отсюда вытекает, что индустриальная цивилизация есть самая высокая и ценная: мы *должны* содействовать индустриализации. *В этом состоит смысл „исторического материализма“.* Он выражает не законы движения материи („историк не астроном и провидение не алгебра“, – сказал Пушкин), он устанавливает задачи человеческих действий и оценивает их» (88, с.156). «Маркс считал индустриализм абсолютной ценностью. Весь пафос его „экономизма“ черпается не из того, что так было и так будет, а из того, что так *всегда должно быть*» (88, с.161), – писал Б. П. Вышеславцев. Сходные установки присутствуют и у современных технократов. «Короче говоря, функции регулирования, а значит и воспроизводства, уже являются и будут далее всё более отчуждаться от управляющих и передаваться технике» (243, с.42), – полагал Ж.-Ф. Лиотар. Действительно, как человеку не подчиниться технике, если она, по Марксу, определяет исторический процесс, который как полагает современное мышление, есть «прогресс», а, следовательно, *чтобы достичь этого «прогресса» должно подчиниться технике. Такова «логика» становления технократического тоталитаризма у неразумных, не видящих её ущербности.* Но не являются ли в таком случае технократы и техницисты сами во многом машинами и роботами, действующими по внедренной в них кем-то из вне вирусной программе?

Исходя из сказанного Б. П. Вышеславцевым, это мировоззрение *можно определить как субъективный материализм*⁵⁴ (по аналогии с субъективным идеализмом Д. Беркли и Д. Юма). Это именно субъективный, социально ограниченный материализм, ибо, функционируя по законам своих механических часов, он, в лучшем случае, забыл об объективной возможности жить в гармонии с биосферой и вообще развиваться другим путём (в худшем – не забыл, просто у робота не было другой программы).

Однако, субъективный характер этого материализма показывает его идеальные корни и подтверждает приоритет идеальных социальных ограничений, а не материальных. Чтобы создать предмет, нужно мышление, воображение и воля, которые в данном случае первичны, если же материальная культура первична, то неясно откуда она возникла, и можно предположить, что её «дали» человечеству материальные «боги». Но подобное воззрение является ничем иным как материалистической религией, а религия, как писал К. Маркс, «есть опиум для народа». В этой связи интересно было бы разобрать секулярно-атеистические манипуляции массовым сознанием со стороны жрецов-идолопоклонников технократического культа, производимые ими ради сокрытия от сознания масс своей религии⁵⁵.

⁵⁴ Это выражение вызвало раздражение у ряда читателей работы: сказала, на мой взгляд, запрограммированность их мышления.

⁵⁵ По этой теме: Четверикова О. Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. – М.: Благословение, 2015. – 160с.

Однако язык и мышление, которые являются границей общества и природы и первоосновой культуры не являются материальными, они идеальны.

С категориями материальных и идеальных социальных ограничений тесно связаны качественные и количественные социальные ограничения. Качественные социальные ограничения связаны с особенностями внутренней структуры явления, его образа, формы, свойств и т.п., а количественные социальные ограничения выражают общее и однородное в явлениях, степени интенсивности качественных проявлений. Ценности, этические нормы, научные парадигмы являются качественными социальными ограничениями и, соответственно связаны с идеальным миром. Количественные социальные ограничения – это те из них, которые поддаются измерению и подсчёту, выражаются в цифровой форме: количество денег, количество законов (сами законы – качественная форма социальных ограничений), количество жилой площади приходящейся в среднем на гражданина страны; они теснее связаны с материальным миром. В современном мире существует тенденция к повышению роли количественных социальных ограничений и ликвидации качественных социальных ограничений. Дело дошло уже до культа тотальной цифровизации и появления так называемого «цифрового оружия». Этот вопрос исследовал Р. Генон: «Количество есть одно из условий существования в чувственном и телесном мире; оно является даже среди всех условий одним из присущих в наибольшей степени этому миру... так что *сведение качества к количеству, по сути, есть не что иное, как то самое „сведение высшего к низшему“*, которым кое-кто хотел весьма справедливо охарактеризовать материализм: претендовать на выведение „большого“ из „меньшего“ – это и есть на самом деле одно из самых типичных современных заблуждений» (104, с.21). Но его соотечественник Ж.-Ф. Лиотар считал иначе, утверждая, что знание может проходить по другим каналам и становиться операционным только при условии его перевода в некие количества информации⁵⁶. Поэтому, (лже) пророчествует Лиотар, всё неперебиваемое в количество будет отброшено, а направления новых исследований будут подчиняться условию их переводимости на язык машин. Социально ограничительные тенденции к диктатуре количества проявляются в таких явлениях как «восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет), безудержном росте народонаселения при неизбежном понижении его качественных характеристик, тенденции к единообразию, ярко проявленной в феномене глобализации, засилье массовой псевдокультуры, «денежном тоталитаризме» (А. А. Зиновьев), стремящемся, подобно зашедшей по Д. Хоргану в тупик материалистической науке выразить и оценить всё в количественной форме. «Масса – это те, кто плывёт по течению и лишён ориентиров. Поэтому массовый человек не созидает, даже если его возможности и силы огромны» (318, с.67), – писал Х. Ортега-и-Гассет, очевидно подразумеваемая именно качественные, а не количественные, выраженные в денежной форме ориентиры. Таким образом, мы имеем тенденцию к усилению социальной ограниченности посредством *редуцирующего сведения качественных ограничений и свобод к количественным*⁵⁷.

«С того момента, как он утратил всякую действительную связь со сверхиндивидуальным интеллектом, разум может стремиться только к низу, то есть к низшему полюсу существования и погружаться всё более и более в «материальность»; в такой же степени он мало-помалу утрачивает и саму идею истины и доходит до того, что стремится лишь к наибольшему удобству для своего ограниченного понимания, в чём он, однако, находит непосредственное удовлетворение вследствие самой тенденции к снижению, поскольку она ведёт его в направлении упрощения и сведения всех вещей к единообразию; он тем легче и скорее подчиняется этой тенденции, что её результаты, согласуются с его желаниями, и этот всё более быстрый спуск может, в конце концов, привести лишь к тому, что мы называли «царством количества» (104, с.98—99), – писал Р. Генон. В *нормальном* (а не идеальном!) обществе приоритет напротив,

⁵⁶ Не понимает, что количество связано с энергией, а качество с информацией, не различает разницы между ними.

⁵⁷ О полицейской функции редуционизма мы уже писали.

должен отдаваться качественным социальным ограничениям, а количественные должны быть им подчинены, поэтому там не может возникнуть программы всеобщей цифровизации.

Следующей парой категорий являются внешние и внутренние социальные ограничения. Для человека внутренними социальными ограничениями являются усвоенные и принятые им нормы социального поведения, морально-этические, эстетические и прочие ценностные установки. Внешними социальными ограничениями для отдельной личности (как маски и инструмента выражения эго, духа и души)⁵⁸ могут выступать общепринятые в той социальной среде, где эта личность пребывает нормы социального поведения, морально-этические, ценностные установки, обычаи, традиции, законодательно-правовые нормы. Для государства в роли внешних социальных ограничений могут выступать международное законодательство, мировое «общественное мнение», международные организации, другие государства, а внутренними социальными ограничениями – им же принятые законы, его собственная культура и т. п. *Принципиальной разницы в существовании внешних и внутренних социальных ограничений для отдельной личности и «сборной личности» какого-нибудь общества нет. При этом внутренние социальные ограничения являются более важными, чем внешние (потому, что внутренние ограничения проще изменить), с которыми они находятся в диалектическом взаимодействии. Для гармоничного самоощущения личности в обществе внутренние социальные ограничения должны максимально совпадать с внешними. Если этого нет, то у человека (общества) возникает состояние социального отчуждения, аномии, развивается психология внутреннего эмигранта, со свойственными ей двойными стандартами и деструктивно-разлагающим отношением к внешнему миру⁵⁹ – социуму (См. напр. 399, с.532—542). Это состояние характеризуется также ослаблением предсказуемости социального поведения личности или общества, так как внешние нормы соблюдаются только под угрозой наказания и под прищипом окружающих, когда же последние условия и угрозы отсутствуют, они немедленно нарушаются. Ещё Лао-цзы говорил: «Когда законы сложны и запутаны, а наказания суровы, люди становятся хитрыми и нечестными... Когда много запретов, делается мало»⁶⁰ (Цит. по 87, с.107). Он же отмечал, что когда законы насаждаются искусственно, появляется много разбойников и повстанцев, по этой причине воспитание важнее законотворчества. Сходной позиции придерживался и известный философ-правовед Н. Н. Алексеев: «Если бы возможно было полное, доходящее до отождествления проникновение государства правом, то все эти нравственные силы поистине были бы обречены на полное угасание. И это было бы в то же время угасанием государства, превращением его в состояние принудительной тюрьмы, или в состояние неограниченной анархии» (12, с.201). Таким образом, внешнее право должно проистекать из внутренней нравственности, традиций человека и общества и соответствовать им. С другой стороны, *если внутренние моральные ограничения в обществе сильны, необходимость в детальном правовом регулировании отпадает, и это является позитивным фактом, так как любое законодательство механистично и не может учитывать всех деталей и обстоятельств каждого конкретного случая. Если же законодательные нормы прописаны нечётко и двусмысленно, то закон неизбежно превращается в «дышло», которое можно повернуть в любую сторону. Своих социально-ограничительных функций такой закон как следует выполнять уже не может. Единственным выходом из подобного правового тупика является повышение нравственности, обладающей необходимой гибкостью и справедливостью. Именно поэтому внутренние ограничения важнее внешних. Новое вообще рождается в творческом**

⁵⁸ См. подр.: Самаэль Аун Веор Революционная психология. – СПб.: Реноме, 2014. – 129с.

⁵⁹ Это как у России с 2014г.

⁶⁰ Поэтому-то и вреден «консервашизм», с его самодавяющим культом законсервированной мертвечины, ограничений и запретов.

процессе изнутри, поэтому все внешние ограничения представляют собой лишь ветшающий продукт прошлого творчества, обреченный на гибель. Это также делает их второстепенными.

Однако внутренние культурные ограничения человек получает в процессе своего образования и воспитания от общества, то есть извне, притом, что склонность к принятию/непринятию тех или иных социальных ограничений зависит во многом от врождённых способностей и особенностей человека. Именно поэтому одинаковые условия социальной среды не создают одинаковой реакции на них со стороны индивидов и не формируют одинаковых личностей. *Человек может быть чистой доской только в смысле незаполненности новой социокультурной информацией, но не в смысле реакций на неё.* Если же мы согласимся с возможностью наличия в человеке осознанной родовой, реинкарнационной памяти или экстрасенсорной связи с внесоциальными источниками знаний, то вопрос формирования внутренних социальных ограничений становится ещё более запутанным. Но на практике, такие люди, особенно дети, утверждающие наличие у них подобной памяти или способностей, встречаются редко. *В господствующей культуре исследование этих вопросов маргинализируется и вытесняется (в чем проявляется её полицейско-инквизиторская по отношению к душе и духу сущность) потому, что эти темы выходят за рамки установленных актуальной культурой социальных ограничений и тем самым релятивируют её.* В настоящее время эти темы (реинкарнации, жизни после смерти и т.п.) приобрели статус вечных и якобы неразрешимых (с полицейско-инквизиторской точки зрения) вопросов, хотя с позиций обыденно-рассудочного (полицейского) сознания они действительно неразрешимы, на что указал ещё И. Кант.

Другой вопрос, не является ли само это рассудочное сознание принципиально социально ограниченным и принудительно навязанным массам господствующей культурой? Американский психолог и писатель Р. А. Уилсон⁶¹ отвечает на этот вопрос положительно. *«Это значит, что общество не поощряет развитие интеллекта у большинства людей, а скорее жестко программирует их сравнительную тупость, что необходимо для их максимального соответствия наиболее традиционным видам деятельности. Их контур биовыживания работает также, как и у большинства животных, их эмоционально-территориальный контур является типичным контуром приматов, кроме того, у них имеется немного „ума“ третьего контура, необходимого для вербализации (рационализирования). Естественно, они обычно голосуют за какого-нибудь шарлатана, которому удается активизировать их примитивные биовыживательные страхи и территориальную воинственность»*⁶² (405, с.148). Согласно Р. А. Уилсону, сознание большинства наших современников ограничено развитием четырёх из восьми возможных его контуров.

Низший **«оральный» контур биовыживания** связан с кормлением (активируется любой едой) и избеганием опасности, причём его активизация в форме биовыживательного беспокойства блокирует деятельность всех высших контуров (интересно в этой связи рассмотреть деятельность манипуляторов из СМИ, постоянно его активизирующих, посредством «ковровых бомбардировок» сознания масс сообщениями о различных преступлениях, катастрофах, погодных аномалиях, войнах, смертях, авариях и т.п.). Второй, **эмоционально-территориальный контур** подобно первому формируется в детстве и связан с отношениями власти (доминирования и подчинения), территориальными правами и эмоциональными играми (химически эти первые два контура активизируются алкоголем⁶³). Третий **время-связывающий семантический контур импринтируется культурой и символическими системами.** Он обрабатывает и классифицирует окружающий нас мир в соответствии со схе-

⁶¹ В современной РФ уже издается в самиздате, без ISBN прочих формальностей: «дослужился!»

⁶² Пророческое высказывание для России, с учетом публикации его книги на русском языке в 1999 г.

⁶³ Первые 15 мест по потреблению алкоголя на душу населения занимают европейские страны (Росстат, 2017 г.). Россия – на 13-м месте. Это одна из причин повышенной агрессивности европейцев.

мами рассудочного мышления. Для более наглядного представления об этом контуре сознания Р. А. Уилсон предлагает осуществить эксперимент: «Купите ZOOM или LIFT (два названия одного и того же стимулирующего напитка на *кофеиновой основе*⁶⁴) ... Выпейте его... *Когда вы достигнете возбуждения и вас „понесет“; выберите жертву и объясните ей устройство мира, пока он (она) не сможет от вас убежать. То, что вы при этом испытаете, – это постоянное состояние ума Рационалиста.* Вербальный контур выходит из под контроля и перестает реагировать на информацию, идущую от всех остальных контуров. Вот почему большинство людей физически не выносит рационалистов» (405, с.105—106). Четвёртый, ***морально-социополовой контур импринтируется опытом оргазма и кондиционируется социальными табу.*** Он отвечает за определение морального/аморального, продолжение рода, взрослую родительскую личность и воспитание потомства. Его можно соотнести со «сверхсознанием» по З. Фрейду. *Высшие четыре контура сознания активизируются занятиями йогой, различными духовно-религиозными практиками; эти контуры позволяют соединяться с коллективным бессознательным (шестой), перепрограммировать другие контуры (седьмой), овладеть предвидением и экстрасенсорным восприятием, для чего желателен внетелесный или околосмертный опыт (восьмой).* Именно ***высшие контуры сознания позволяют выйти за рамки социальных ограничений, свойственных большинству обладателей четырёхконтурного сознания,*** составляющих, по оценке Р. А. Уилсона 70% населения Земли (причём у 50% населения даже третий контур полностью не развит). Пятый контур сознания развит у 20% населения, а шестой, седьмой и восьмой контуры развиты у 5%, 3% и 2% населения соответственно. *Развитой моделью четырёхконтурного сознания является система И. Канта, для которой доступное высшим контурам есть непознаваемые «вещи в себе»;* в отличие от неё для ортодоксального марксизма (или фрейдизма) высших контуров вообще не существует. Остаётся только размышлять о социально-ограничительных потенциалах подобных «гениальных» и популярных философий, являющихся на самом деле интеллектуально-полицейскими системами мысли, призванными удерживать сознание верующих в них в пределах первых четырех контуров Р. А. Уилсона.

Таким образом, ***проблема (часто принудительно навязанной нам) внутренней социальной ограниченности видится исходя из предложенного Р. А. Уилсоном объяснения, прежде всего как проблема преобладания среди людей тех, у кого в психике преобладают животнo-роботизированные стереотипы реакций и поведения, постоянно активизируемые легальными и нелегальными наркотиками, зомбокодированием через СМИ, психотронной обработкой и прочими способами.***

На наш взгляд для психоментального устройства человека нормой является иерархическое преобладание интуиции над рациональным интеллектом, а рационального интеллекта – над инстинктами и телесными рефлексам. Интуиция дает при этом обобщенную картину чувственной и сверхчувственной информации «свыше» и «из вне», интеллект её обрабатывает, с учетом инстинктивно-рефлективных данных для выработки адекватного ситуации поведения и суждений о мире.

Если же интуиция «не работает» или игнорируется, а разум при этом обслуживает инстинкты, то у индивида формируется психоментальное устройство сходное с таковым у животных, у которых неразвитый разум обслуживает их инстинкты. В случае наличия человеческого тела такой разум может быть и гораздо более развитым, чем у животных, позволяя его носителю достигать социального успеха и профессионализма без формирования принципиально отличной от животного психоментальной структуры.

⁶⁴ Большинство «цивилизованных людей» регулярно употребляют алкоголь, табак, кофе, черный чай и прочие пищевые наркотики, почему-то считая себя, при этом, разумными существами...

Биороботизированная психоментальная структура формируется на основе потери свободы воли в обращении с информацией. В этом случае индивид механически воспроизводит (как компьютер) внедренные в него из вне программы поведения, не будучи в состоянии их изменить по своей воле и в соответствии с ситуацией. Также он податлив для активизации каких-то своих качеств, свойств, реакций, навыков, поведенческих программ по внешней команде, уподобляясь при этом дистанционно (например, по радио) управляемой машине. К сожалению, подобное поведение сегодня широко распространено, чему очень способствует современная техногенная цивилизация. Перед людьми всё чаще возникает задача нейтрализации подобных «биороботов», блокирующих свободу их поведения.

Однако помимо внутренней социальной ограниченности, препятствующей развитию высшего сознания и побуждающей к механистичному поведению, существуют, к сожалению, и *внешние социальные ограничения, препятствующие открытому обсуждению подобных вопросов*, из-за которых «попытки объявления кого-то из людей *нечеловеком* в настоящее время общественным мнением пресекаются. Причём делается это предельно некорректно, скорее эмоциональным, нежели логическим способом. Безапелляционно заявляется, что подобные „негуманные“ утверждения могут исходить лишь от индивидов, которые сами не могут претендовать на „высокое“ звание человека. И получается, таким образом, что люди „нечеловеческого формата“ всё-таки существуют!» (138, с.73). *Несложно догадаться*⁶⁵, что подобное пресечение делается нелогическим способом по причине неразвитости у 50% населения соответствующего контура по Р. А. Уилсону и потому задействуется второй контур – эмоционально-территориальный, ибо *очевидно, что постановка и обсуждение проблемы о различиях в строе психики людей подорвёт существующую систему доминирования и подчинения*.

Однако во многих религиях эта проблема обсуждается довольно открыто. Например, в зороастрийских текстах сказано: «Люди бывают трёх видов: один – человек, один – получеловек, один – полудэв... Получеловек тот, кто исполняет дела материальные и духовные по своему желанию, по своему разумению и себялюбию... Полудэв – тот, у кого только имя человеческое и человеческая природа, тогда как во всех делах и деяниях он подобен двуногому дэву. И он не знает ни земли, ни неба, ни благодеяния, ни греха, ни рая, ни ада, и совсем не думает об ответственности души» (170, с.109—110). Сходное суждение находим у Аль-Газали, который «указывает, что „смесь свиньи, собаки, дьявола и святого“ это неподходящая основа для ума, пытающегося обрести глубокое понимание, которого с помощью такой смеси обрести будет невозможно» (Цит. по 453, с.184).

В качестве «*новой инквизиции*»⁶⁶ носителей социально ограниченного сознания выступают организации типа «Комитета по научному расследованию сообщений о паранормальных явлениях», который дал на книгу Р. А. Уилсона следующую рецензию: «Заблуждающийся, злобный фанатик» (405, с.6). *Имея сознание, функционирующее в рамках третьего логико-семантического контура, они не желают (или, что более вероятно, не могут по причине собственной неразумности) признавать наличие уже открытых пяти высших контуров сознания*. Современный пример такого «борца с лженаукой» мы имеем в лице А. Соколова, сочинившего целый список «лженаучных терминов» для оперативного выявления всех «еретиков», отклонившихся от догм его секты «истинных ученых». Этот квазирелигиозный *догматик*, видимо, даже не понимает, что в науке существует развитие, плюрализм мнений, разногласия и конкуренция разных научных школ создающих, в частности, свою терминологию, что границы науки подвижны: то, что вчера было гипотезой, сегодня может стать научной теорией, а завтра – быть распознано как заблуждение, отражавшее прошедший этап научного

⁶⁵ Если ум, конечно, есть и ты разумный...

⁶⁶ Более новое по теме: Калашников М. Новая инквизиция. Кто мешает русскому прорыву. – М.: Алгоритм, 2014. – 240с.

познания⁶⁷. То есть освоить содержание аспирантской программы по дисциплине «история и философия науки» этому «ученому» явно не удалось. Конечно, *сегодня надо уже знать не столько кто и как осуществляет инквизиторские функции, сколько как им противодействовать и (или) их обходить*, о чем, к сожалению, мало материала в упомянутых выше работах Р. А. Уилсона и М. Калашникова.

Так в современном обществе реализуются внутренние и внешние социальные ограничения. *Проблема различных строев психики или развития разных контуров сознания в данном случае является ключевой*, так как *именно этот фактор в конечном итоге определяет главное в системе внутренних и внешних (как производных от внутренних) социальных ограничений*. Культурные, природно-географические и расово-биологические различия, определяющие системы социальных ограничений, отходят на второй план как инструментальные, ибо очевидно, что *именно строй психики предопределяет основные ценностно-целевые детерминанты*. Поэтому, *обладатели одинаковых строев психики из разных культур внутренне могут быть более близки друг другу, чем обладатели разных строев психики из одной культуры, что, кстати, снимает часть барьеров в межкультурной и межэтнической коммуникации, ослабляет шовинистическую ксенофобию и прочие конфликтогенные, конфронтационные программы поведения*.

В завершение параграфа рассмотрим вещные и человеческие социальные ограничения. Человеческие социальные ограничения – это такие внутренние и внешние, материальные и идеальные, качественные и количественные, субъективные ограничения, которые исходят от людей, а вещные ограничения – это такие материальные и идеальные, внутренние и внешние, количественные и качественные, объективные ограничения, источником которых являются вещи. В данном случае под вещами будут пониматься, прежде всего, артефакты материальной культуры, то есть изготовленные человеком материальные предметы. Это означает, что *вещные социальные ограничения являются сугубо вторичными, а первичными в этой паре являются человеческие социальные ограничения*. Идеальные, внутренние вещные социальные ограничения – это, по сути, отношения человека, порождаемые на первый взгляд материальными вещами, а на самом деле – *отношением человека к ним*. Подобные ограничения являются в принципе *иллюзорными*, хотя те, кто их испытывает, могут полагать, что это не так. Для лучшего осознания понятия и явления иллюзорности рекомендуется обратиться к философии буддизма и индуизма⁶⁸. Такой *иллюзорной формой вещной зависимости являются, например, социально наведённые ложные потребности в вещах, без которых можно на самом деле обойтись* и отсутствие которых субъективно воспринимается как социальное ограничение. Проблема ложных вещных потребностей хорошо разобрана в работе Г. Маркузе «Одномерный человек». В ней показано, как потребительское общество, где производитель ориентирован исключительно на прибыль, *вынуждено искусственно создавать вещные потребности с помощью постоянно меняющейся моды, рекламы и системы сложной вещной взаимозависимости, когда для успешного функционирования одной вещи нужно приобретать вторую, третью и так до бесконечности*. В результате современный человек, как правило, окружён массой мнимо нужных вещей, поглощающих его время, силы, здоровье, свободу и тем самым препятствующих его дальнейшему личностному росту, а, главное, душевному и духовному развитию. *Вещи самой логикой своего функционирования незаметно заставляют человека приспособляться к ним, обслуживать их, жить в их, а не в своём ритме*, тем самым поработывая человека. Поэтому очень важно быть свободным от вещных зависимостей, «шопоголизма» (страсти к покупкам) и прочих аналогичных вирусных программ поведения.

⁶⁷ Современный пример такого «борца с лженаукой»: Соколов А. Ученые скрывают? Мифы XXI века. – М.: Альпина нон фикшн, 2017. – 370с.

⁶⁸ Норбу Н. Йога сновидений. – СПб: Шанг-Шунг, 2004. – 180с.

Показательно, что ситуация вещной зависимости и ограниченности человека находит и своё идеологическое выражение. Например, в марксизме считается, что причиной превращения обезьян в людей стала их орудийная деятельность. То есть, человек, якобы, возник только тогда, когда он обрёл вещную зависимость от этих орудий. Человек в марксизме по своей природе *существо предметно зависимое*. В современном «деидеологизированном» обществе «вещизм» внедряется на подсознательном уровне, как нечто само собой разумеющееся и *даже не подлежащее обсуждению и оценке*. Сегодня это уже не осознанная идеология, как в советском марксизме, полемизирующая с более ранней идеологией христианства, а практически реализованный строй и образ жизни, существующий в механических программах, циклах производства и потребления. *Включаясь в социум, человек фактически принудительно, подключается к циклам производства и потребления определенных товаров и услуг*, в случае же нежелания их потреблять (а не только производить) он вытесняется из общества в безработицу, бродяжничество, криминал, дауншифтинг и т. п. С подобной дискриминацией сегодня сталкиваются люди не желающие употреблять наркотики, алкоголь, мясную или вареную еду, смотреть телевизор, пользоваться интернетом, сотовым телефоном или даже иметь свою страницу в социальных интернет-сетях и т. п. То есть в современном обществе уже сформировалось не только производственное, но и потребительское рабство, выражающееся в принудительном потреблении определенных товаров и услуг (например, государственных услуг). Также человек подвергается различным психотронным, электромагнитным, радиационным, химическим и прочим социально-техногенным воздействиям принудительно и даже противозаконно (с точки зрения действующего сегодня права) ограничивающим его свободу действия, мышления и чувствования. Также подобные воздействия противоречат как его естественным, так и законодательно гарантированным правам на жизнь, охрану здоровья, благоприятную экологическую среду и т.д.⁶⁹ При этом никакой ответственности за сокрытие этих вредоносных влияний в соответствии со статьей 41. п. 3 Конституции РФ 1993г. чиновники РФ не несут. Современному человеку впору уже писать пожизненный роман или дневник на тему: «Как ущемлялись мои права и свободы».

Конечно, на это можно возразить, что вещные социальные ограничения имеют объективный и материальный характер, так как вещи могут являться необходимыми для добычи пропитания, строительства жилища, защиты от холода, орудиями труда и т. п. Однако, животные, как известно, успешно живут и выживают и без изготовления орудий труда (а, главное, без облучающих их психотронных и электромагнитных генераторов) или при их минимальном использовании, так что их вещная зависимость является минимальной либо вообще отсутствует. Это свидетельствует о том, что вещная зависимость в первую очередь связана с развитием соответствующих потребностей или рабовладельческой агрессией против существ, а не с необходимостью выживания, питания и размножения. При этом потребности могут иметь как демографически обусловленный (еда, одежда, жилище), так и деградационно-паразитарный (наркотики, алкоголь, извращённый секс) характер.

Предлагая изменить структуру потребностей с материальных на духовные и избавиться тем самым от вещной зависимости, Христос в Новом Завете учил: «Никто не может служить двум господам... Не можете служить Богу и Мамоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего во что одеться. Душа, не больше ли пищи, а тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы, не гораздо ли лучше их?... И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут, ни трудятся, ни прядут; ...Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? Или что нам пить? Или во что одеться? Потому что всего

⁶⁹ См. подр.: Насколько опасны вышки сотовой связи? – <https://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/naskolko-opasny-vyshki-sotovoy-svyazi> (28.02. 2018г.).

этого ищут язычники... Ищите же прежде Царства Божия и правды Его и это всё приложится вам» (51-Нов. Завет, с. 6—7). К сожалению, в христианстве трудно найти рецепты защиты от принудительного рабовладельческого зомбокодирования и защиты от психотронных, электромагнитных, радиационных и прочих подобных облучений, химических, бактериологических и вирусных атак. Сходные рекомендации мы можем найти у Лао-цзы, в индуизме, буддизме и других религиозно-философских традициях. Означает ли это, что они предлагают нам вернуться в животное состояние? На этот вопрос следует ответить отрицательно: предлагается не возврат в животное состояние, а альтернативный путь развития биогенной не технократической цивилизации, позволяющий развить высшие уровни сознания и психофизических способностей (См. подр. 22, 23). «Цивилизация не есть единственный путь перехода от культуры, с её трагической противоположностью „жизни“. Есть ещё путь религиозного преображения жизни, путь достижения подлинного бытия» (44, с.173), – писал по этому поводу Н. А. Бердяев.

У М. Хайдеггера феномен вещной зависимости обозначен термином «постав». Постав – это тенденция к тотальному опредмечиванию, материализации всего возможного. *Не желая жить в гармонии с природой*, европейское человечество для преодоления природы мыслимой как ограничение, придумало и стало реализовывать технократический постав, который должен был по замыслу его творцов освободить их от природных ограничений. Однако, как отмечает М. Хайдеггер, европейская цивилизация, одержимая волей к власти и волей к воле в результате сама попала в зависимость от этого постава. *Фактически этот путь развития цивилизации провалился и зашёл в тупик, ибо, не сняв природных ограничений (что вряд ли возможно вообще), этот путь привёл к усилению новой вещной зависимости, создав вместо одной зависимости две конфликтующие друг с другом зависимости от природы и техносферы*. Но захватившие власть технократы, несмотря на это, упорствуют в своём принудительном навязывании вещных социальных ограничений нам и мирозданию в целом; тех же, кто противится этой линии либо уничтожают подобно ненавистой природе, либо загоняют в резервации (маргинализируют) как американских индейцев. Человечество фактически находится в роли плененного заложника этих технократов. При этом ни боги, ни внеземные цивилизации почему-то не предпринимают действий по его освобождению из плена.

«Труд, так же, как капитал, будь то естественные ресурсы или машины, определяется и управляется технологией» (307, с.425); «технология определяет, что является естественными ресурсами» (307, с.407), «технология задаёт запасы естественных ресурсов» (307, с.411), – утверждает американский технократ П. Пильцер. Сейчас уже не рыба главное, а технология её добычи, *новый рынок не боится дефицита ресурсов, ключ к накоплению которых – технология*, продолжает П. Пильцер. (Видимо, в случае реального дефицита чего-либо предполагается осуществить зомбокодирование масс на веру в его ненужность или объективную обусловленность данного дефицита). Страхи старых и новых луддитов необоснованны, так как *якобы при внедрении машин общество в целом богатеет*⁷⁰ (Пильцер игнорирует факт частной собственности на средства производства и неравномерности распределения доходов, которая всё более и более нарастает в современном мире), а тем, кто потеряет работу в результате внедрения техники можно предоставить новую, утверждает П. Пильцер (*или не предоставить, применив против недовольных этим силу*). Получается, однако, что чем больше машин, тем больше проблем с работой, переподготовкой и адаптацией на новом месте, помимо *насилия при её смене*. Не случайно, более здравомыслящий О. Тоффлер признавал, что «развитие технологии не обязательно равнозначно „прогрессу“, и, если не будет постоянно контролироваться, может

⁷⁰ Сегодня это уже давно не так, многие общества, скорее, наоборот, в целом беднеют, уровень жизни в них снижается: в США последних десятилетий, России с 2014 г., странах ЕС, Африки и др. Там же где наблюдается экономический рост усиливаются экологические и прочие проблемы (Индия, Китай).

уничтожить все достигнутые результаты» (307, с.459). (При этом следует учитывать, что технология, до её материализации в изделия является не вещным, а человеческим ограничением).

Казалось бы, развитие техники и технологии действительно может сделать общество богатым и дать массам свободное время для досуга, творчества и развития своих способностей, и вещные социальные ограничения диалектически превратятся в возможности свободы, как и полагали К. Маркс и его последователи. Но на самом деле этого не только не произошло, как показал ранее Г. Маркузе, а сегодня В. А. Кутырев,⁷¹ *но и не могло произойти*, потому что паразитирующее на человечестве и природе технократическое (*технопронное* – З. Бжезинский, может быть ещё точнее его можно назвать «*психотронным*»?) общество первую очередь озабочено своим воспроизводством и самосохранением, которые и побуждают его воспроизводить «одномерных человек» Г. Маркузе и «носителей животно-биороботизированного строя психики» (реально – киборгов) не способных к творчеству и саморазвитию в качестве своих элементов. Причина этого в том, что его «прогресс» направлен исключительно на «совершенство техники» (Ф. Г. Юнгер) (паразитирования), сам же человек выступает в качестве ресурса для этой цели наряду с прочими природными ресурсами. Поэтому-то техногенный разум и выступает «против человека», как это блестяще показывает в своих публикациях В. А. Кутырев⁷². Развивая идеи М. Хайдеггера можно сказать, что *техника является возмездием бытия человеку за подчинение и гибель природы. Как человек потребляет, подчиняет и разрушает природу, так и его потребляет, подчиняет и разрушает техника (чего большинство, из-за своей неразумности не понимает)*. В этом смысле сюжеты, подобные американским к/ф «Матрица» или «Юпитер. Восхождение» не антиутопия технократического будущего, а уже реализованная реальность (которую, однако, основная масса населения не желает или не способна увидеть). Необходимость поддержания и воспроизводства технократической цивилизации является причиной, требующей удерживать основную массу населения в социально ограниченном, одномерном, полуразумном и роботизированном состоянии. Даже в философии распространяется мода на интеллектуальное постмодернистское варварство, проявляющееся по Х. Ортеге-и-Гассету в отказе от поиска истины. Не сложно догадаться, что если у большинства активизируются высшие контуры сознания по модели Р. А. Уилсона – Т. Лири, то это большинство скорее выберет цели и идеи Будды, Христа, Лао-цзы, М. Хайдеггера или того же Р. А. Уилсона, а не П. Пильцера, Д. Белла или Зб. Бжезинского; может быть, оно выберет и что-то иное, но маловероятно, что оно выберет рутину своего одномерно-механистического существования, скрашиваемого телевизионными и интернетовскими иллюзиями и активизацией низших контуров сознания с помощью алкоголя, кофе, табака и прочих подобных «лекарств». *Вообще интересен вопрос, сможет ли современная цивилизация поддерживать свою социальную стабильность без алкоголя, табака, кофе, мясоедения, транквилизаторов, более сильных наркотиков* и какую роль сыграло их широкое распространение в формировании модернистского (нарко) сознания. Этот вопрос исследовал историк В. В. Похлёбкин. Его работа показывает *совпадение промышленной и алкогольной революций в России и Европе*. «Водка в средневековой России была одним из первых по времени новозобретённых промышленных продуктов» (340, с.101). «Одной из особенностей водки как продукта и товара было то, что она разлагающе воздействовала на старое, проникнутое древними традициями, замкнутое общество средних веков» (340, с.104). В Германии водка появилась только после протестантской реформации. В доиндустриальном обществе изготовление алкогольных напитков было экономически невыгодным, длительным и очень трудоёмким делом, а потому регулярное их употребление, а тем более алкоголизм исключались для основной массы населения. Всё изменилось в XV веке, когда производство алкоголя стало

⁷¹ Кутырев В. А. Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. – СПб.: Алетей, 2016. – 300с.

⁷² Кутырев В. А. Разум против человека (Философия выживания в эпоху постмодернизма). – М.: ЧеРо, 1999. – 232с.

несложным и экономически выгодным. Результатом «водочной революции» в России XV века стало резкое огрубение нравов, распространение атеизма, рост репрессий. Спаиванию народов российского Севера и индейцев предшествовало спаивание населения Англии и России. Модернизатор Пётр I широко практиковал бесплатную раздачу водки. Поэтому, значимая роль алкоголя в становлении «системы современных обществ» (Т. Парсонс) налицо. О роли наркотиков в этих процессах можно узнать из работ Н. Марковой (267, 268) и Д. Колемана (198), А. Семенова⁷³ и многих других авторов.

Несмотря на безусловную значимость темы наркотиков в социальном управлении, её следует считать второстепенной, так как их употребление дело, всё же, во многом добровольное. Сегодня всё большее значение приобретают электронные и информационные наркотики – от телевидения и интернета, до компьютерных игр и электронных сигарет. Однако и их можно игнорировать, уехав, например, жить в деревню или в лес. А вот что делать с «зомбовышками»⁷⁴, которыми по «приказу» Д. А. Медведева сегодня утыкана вся Москва? Даже сбежав жить в «родовое поселение» в тайге его жители будут подвергаться психотронному облучению со спутников, от американской системы HAARP на Аляске и т. п. Более того, их могут облучать целенаправленно, хотя это и сложнее делать, чем в больших городах⁷⁵. В США и ряде других стран, против населения применяется химическое оружие в форме принудительного фторирования воды⁷⁶, пищевые продукты облучаются радиацией. Детям принудительно делают прививки, заражая их болезнетворными вирусами и микробами (бактериологическая война), в сельском хозяйстве используются вредные удобрения и ГМО, технологии подсознательного программирования поведения применяются в СМИ и т. п. И у людей здесь очень часто нет никакого свободного выбора: они не знают о подобных воздействиях на них, не могут от них отказаться и защититься. Очевидно, что подобные влияния могут, в свою очередь, программировать на употребление наркотиков и прочие виды суицидального и деструктивного поведения, либо провоцировать их из-за вызываемой ими депрессии. Получается, что мы фактически живем в условиях глобального техногенного тоталитаризма, заправилы которого ведут против человечества перманентную войну «низкой интенсивности» применяя против него все известные виды вооружения, в том числе химическое, ядерное, биологическое, электромагнитное и т. п. Поэтому, конечно, человечеству нужно защищаться не столько от природы, сколько от террора техногенной лжецивилизации и её заправил...

Таким образом, *современная технократическая цивилизация является цивилизацией вещных социальных ограничений, которые она сама создает, и сама же им подчиняется*. Вещную социальную ограниченность создаёт и обслуживает идеология материализма, утверждающая в своих вульгаризированно-механистических вариантах, что мир это машина, кроме этой *трёхмерной машины* ничего нет, и *это есть объективная реальность данная обывателю в его ограниченных ощущениях*. Абсолютизацию вещных социальных ограничений мы находим в идеологиях механистического материализма (Т. Гоббс, Ж. Ламетри), марксизме, где изменение и развитие системы вещей определяет историю человечества, у современных технократов и постиндустриалистов. Однако сами эти идеологии являются не вещными, а человеческими ограничениями. Человеческие ограничения не тождественны полностью социальным ограничениям, потому что, хотя общество это совокупность людей и многие ограничения исходят от них же самих, часть из них может принудительно навязываться обществу извне, как животным в зоопарке. Специально рассматривать человеческие социальные ограничения

⁷³ Семенов А. Бог и наркотики. – Пенза: Золотое сечение, 2012. – 388с.

⁷⁴ Насколько опасны вышки сотовой связи? – <https://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/naskolko-opasny-vyshki-sotovoy-svyazi> (28.02. 2018г.).

⁷⁵ См.: Психотронное оружие. – <http://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/psihotronnoe-oruzhie> (20.10. 2017г.)

⁷⁶ Фторирование воды. – https://www.youtube.com/watch?v=1QKuE3-_OzY

не имеет большого смысла, так как они являются частью системы социальных ограничений в целом.

На этом рассмотрение базовых форм социальных ограничений, тождественных некоторым основным категориям диалектики будет завершено, хотя, как уже отмечалось, оно может быть расширено и продолжено. Очевидно, что *структура системы социальных ограничений является многомерной и не может исчерпываться системой дуальных диалектических категорий*. Как было показано, все эти категории, представляемые в данной работе как базовые формы социальных ограничений, являются взаимосвязанными. *Каждое конкретное социальное ограничение, как правило, попадает под несколько базовых форм ограничений одновременно, то есть сами эти категориальные формы являются взаимопересекающимися*. Например, техника является по преимуществу субъективным, внешним, материальным, вещным и качественно-количественным социальным ограничением; по преимуществу субъективным социальным ограничением, так как она всё же зависит от человека, но может и объективизироваться, особенно в случае добровольного подчинения ей, качественным и количественным, так как отдельные её единицы могут быть однородны и поддаются счёту и измерению, но могут иметь и разные свойства, форму и т.п., а значит и разное качество. Как видно, *классификация конкретного социального ограничения является делом не совсем простым, но при желании вполне осуществимым*. Подобная классификация позволяет связать любое конкретное социальное ограничение с абстрактной системой философских категорий в целях его лучшего понимания и выявления его взаимосвязи с другими социальными ограничениями. Классификация всех конкретных социальных ограничений была бы слишком обширной и поэтому приводиться здесь не будет, тем более что цель данного раздела, заключающаяся в показе соответствующей методологии, уже достигнута.

Однако, *мир не развивается по законам логики*, как полагал Гегель, и поэтому *представленная система категорий не может быть достаточной для прояснения структуры, сущности и смысла системы социальных ограничений*, но лишь одной из возможных понятийно-объяснительных моделей. Понимание этого побуждает меня представить наряду с вышеизложенной *другую системную модель* социальных ограничений, которая позволит увидеть их новые грани. Эта модель призвана конкретизировать вопросы о субъекте и объекте социальных ограничений, их системообразующем факторе, смысле и структуре социальных ограничений *в любом обществе*.

2.2. Особенности системы социальных ограничений

Прежде чем описывать структуру социальных ограничений, целесообразно было бы рассмотреть некоторые особенности системы социальных ограничений в целом. Это *рассмотрение послужит введением в авторскую модель социальных ограничений*.

В любой системе присутствует её системообразующий фактор (факторы), выполняющий интегративно-управляющую функцию по отношению к системе. *Системообразующим фактором системы социальных ограничений, выполняющим главную, социально-ограничительную функцию является, на мой взгляд, воля общества к самосохранению и самоутверждению, или «воля к жизни».* Однако, воля к жизни нормально проявляется только в прогрессирующих или гомеостатичных (сохраняющих свою неизменность) обществах. В деградирующем обществе начинает доминировать фрейдовский «Танатос», воля к смерти и самоуничтожению, что приводит к расцвету различных деградационных практик и тенденций, расцвету «пороков» и т. п. Всё это хорошо описано как на многочисленных исторических примерах, так и в социально-теоретических трудах. Если «воля к жизни» вдруг исчезнет вместе с порождаемыми ею *объективно необходимыми (а вовсе не любимыми!) для жизни и развития ограничениями*, общество со временем неминуемо распадётся и погибнет. Однако в деградирующем обществе, *в силу усиления его неразумности* в целом и руководящих слоев в особенности («рыба тухнет с головы») различие жизненно необходимых, полезных и вредоносных, деструктивных ограничений исчезает. В результате могут развиваться самодовлеющие ограничительные культы (тотального консерватизма, «консерватизма») и (или) вредные социальные ограничения начинают восприниматься как полезные и наоборот. Например, незадолго до краха Российской империи в 1917 г. ведущий государственный идеолог (Обер-прокурор Священного Синода до 1905 г.) К. Победоносцев развивал идеи «подмораживания России». Но, как известно, подмораживают для воспрепятствования разложению *труп*, а не *живое тело*, для которого мороз, напротив, вреден и смертельно опасен. Различные программы, алгоритмы и примеры деструктивного социально ограничительного мракобесия описаны М. Е. Салтыковым-Щедриным в известной сатире «История одного города»⁷⁷. Читали её многие, но многие ли правильно поняли суть этой и других сатир Салтыкова-Щедрина? Кто проделал работу по вычленению, осмыслению и комментированию показанных там долговременных социальных, поведенческих, интеллектуальных программ, веками управляющих поведением российского (и прочего) чиновничества и народа? Например, Минюст РФ при составлении «федерального списка экстремистских материалов» явно руководствуется программой глуповского «Органчика» (градоначальника Брудастова) с его двумя ключевыми программными установками: «Не потерплю!» и «Разорю!». Другая аналогичная реализуемая сегодня программа показана у Архистратига Стратилатовича Перехват-Залихватского, который «въехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки»⁷⁸...

Кто описал алгоритмы и программы сопротивления и обхода описанного там и реализуемого даже сегодня идиотизма? В общем, на наш взгляд, *с этой книгой и прочими произведениями Салтыкова-Щедрина надо основательно работать. Это вовсе не сатира на Россию XIX века, а замаскированный программный алгоритм поведения российской бюрократии, требующий расшифровки.* Общество интуитивно поняло глубину и значимость этих произведений, признав их «литературной классикой», но не смогло до конца их рационально понять, осмыслить и использовать для собственного блага. Вот, например, глуповский⁷⁹ градоначаль-

⁷⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. Сказки. – М.: Художественная литература, 1982. – 304с.

⁷⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. Сказки. – М.: Художественная литература, 1982. – С.17.

⁷⁹ Город Глупов – метафора архетипически неразумной России.

ник «Органчик» с механизмом в голове: чем не метафора «биороботизированного строя психики» или не пророчество о правящих киборгах и «робокопах», в которых сегодня уже совершенно серьезно нам предлагают превращаться трансгуманисты?

В истории имеется достаточно примеров обществ, погибших и распавшихся в результате постепенного снятия полезных, системосохраняющих социальных ограничений. В качестве отдалённого примера можно указать на Древний Рим периода заката империи, а в качестве ближайших можно привести Россию начала XX века и СССР периода «перестройки», в которых процессы «либерализации» (пример «ложного имени», скрывающего подлинное содержание и суть обозначаемых им социальных процессов и явлений) как снятия присущих им социальных ограничений и изменения их структуры привели к довольно быстрому распаду данных социальных систем. Так как большинство обществ не хочет оказаться в ситуации России 1917 и 1991 годов, то они предпочитают сохранять присущую им систему социальных ограничений или изменять её достаточно осторожно. Один из ведущих теоретиков культурно-цивилизационного развития обществ О. Шпенглер писал: «Первая основная тенденция жизни агрессивна и оборонительна: власть и расширение. Вторая основная тенденция – продолжение: секс» (505, s.19). Этот общий тезис «философии жизни» вполне применим и к жизни обществ. Однако пренебрежение разумом в «философии жизни» сыграло с принявшей её гитлеровской Германией «злую шутку»: страна попыталась расширить свою территорию, не соотнеся своих ресурсов и сил с силами своих потенциальных противников. В послевоенной же Германии поняли, что *благополучие населения страны зависит не столько от размеров её территории, сколько от эффективности её использования, от эффективности экономики и жизнедеятельности в целом*. Поэтому современная Германия – высокотехнологичная страна, лидирующая по использованию энергии ветра, экологичному безотходному производству и многим другим полезным технологиям. Руководство и народ современной России этого, к сожалению, не понимает. Поэтому стране угрожает участь повторить судьбу «Третьего рейха».

При рассмотрении означенного системообразующего фактора социальных ограничений нужно учитывать постоянное наличие в обществе следующих двух групп или типов людей: принадлежащих к элитам и не принадлежащим к ним. Этот вопрос был исследован Г. Моска, Р. Михельсом и В. Парето (См. 93). В данной ситуации элиты (олигархии) всегда управляют, а не элита – народные массы всегда им подчиняются. Поэтому воля *общества* (но не всех его отдельных членов) к самосохранению и самоутверждению является в первую очередь *волей к этому правящих элит*. Это тем более верно, что именно эти элиты и являются основными потребителями имеющихся в обществе социальных возможностей и благ, распределяющихся в силу социального неравенства по принципу перевёрнутой пирамиды. Именно поэтому, по крайней мере, в теории, которая в данном случае обычно совпадает с практикой, элиты должны быть максимально заинтересованными в сохранении «своей» социальной системы. *Правда, на практике мы иногда видим обратное, когда эти элиты разрушают своей деятельностью подконтрольные им общества, как, например, это сделал А. Гитлер со своими соратниками, конечные результаты деятельности которого были прямо противоположны заявленным целям*. Возможность формирования в обществе деструктивной элиты зависит от критериев отбора кандидатов в элиту. В случае дефективности этих критериев в обществе может сформироваться антиобщественная, паразитическая, суицидально ориентированная элита, аналогичная раковой опухоли или вирусам и прочим паразитам в биологическом организме.

Поэтому мы должны признать возможность существования и роста в социальном организме суицидального фрейдовского «танатоса», как воли к смерти и саморазрушению социальной системы, который может проявляться наряду с процессами естественного старения и смерти социальных систем. С одной стороны, различные культуры и цивилизации как наиболее развитые формы социальных систем проходят в ходе своего развития различные фазы (См.

64), стареют и умирают, как это показали Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер и Л. Гумилёв. Они не кончают свою жизнь самоубийством и не стремятся сознательно к саморазрушению, хотя могут становиться жертвами *внешней* агрессии и собственных неудачных авантюр, как в случае гитлеровской Германии. Элита решает в этих случаях тоже далеко не всё – должны быть ещё и те, кто готов исполнять её решения и приказы. Проигрывает же в подобных случаях большинство. Поэтому здесь следует вести речь не о воле всего общества и всей его элиты к саморазрушению, а о воле и интересах отдельных социальных групп, желающих улучшить своё положение за счёт разрушения социального целого и деятельности внешних соперников и врагов данного общества, провоцирующих создание в нём своей «пятой колонны». Эти явления хорошо исследованы в литературе посвящённой Второй Мировой войне, разрушению СССР и императорской России (См. 20, 29, 57, 60, 94, 191, 245, 265, 359, 361, 484). *Именно эти силы и являются субъектом, иницирующим в обществе деструктивные и суицидальные социальные тенденции.* Если рассматривать общество как биологический организм, эти силы можно сравнить с инфекцией или раковыми метастазами. С. Г. Кара-Мурза сравнивает их с жуками Ломехуза – паразитами, живущими в муравейниках, которых муравьи вынуждены кормить и не в состоянии ограничить, так как жуки хорошо освоили их «язык» и выделяют одурманивающие вещества (191, с.13).

Однако сообщества социальных паразитов в случае захвата ими «контрольного пакета акций» власти в обществе могут навязать ему суицидальную модель и направление развития, реализуемые каким-нибудь Гитлером или Наполеоном. Поэтому, например, одни цивилизации существуют или существовали достаточно долго, тысячелетиями (Древний Египет), а другие десятилетия, а о и считанные годы. Например, Хазарский каганат просуществовал сравнительно недолго. Для перехода на суицидальную траекторию развития деструктивные силы должны завладеть в обществе определенным объемом власти, что аналогично переходу болезни в смертельную фазу. Следует создать критерии оценки обществ по этому параметру, которые позволят давать обоснованный прогноз его развития. Можно пытаться использовать здесь и метод «экспертной оценки». К сожалению, это *слабо разработанная и скрываемая у нас сегодня тема.*

Это подтверждает мысль, что главной целью-ценностью системы социальных ограничений *должно являться (в случае «вирусного заражения» общества это не так)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.